

Банка, в которой я живу

На экран визуализации перестал поступать контентный материал и, как обычно бывает в таких случаях, экран погас, а секундой позже автоматически включилась программа, ответственная за хранение оптической техники в исправном состоянии до следующего сеанса. Она отображалась на экране визуализации в виде разноцветных плавающих кругов и разводов.

Он знал, что где-то там соединились две специальные створки-шлюзы, устроенные таким образом, что они, двигаясь навстречу друг другу, замыкались, словно ворота в ангаре, тем самым защищая хрупкую оптику от нежелательного контакта с внешним миром. Он никогда не видел этого сам, но точно знал, что так происходит, потому что много раз наблюдал этот процесс на других биоантропокрепостях. Биоантропокрепость — это целый субмир и одновременно аватар для взаимодействия с пространством планеты для таких, как он и многих других существей. Сокращенно Б. А. н. К. а. В таких вот банках и жили, а как думал он сам, скорее были заперты за какие-то грехи представители его класса жизни.

Ещё он знал, что теперь до следующего сеанса визуализации ничего не будет происходить, и нужно будет только следить за сонмом разных датчиков, которые путем сложного сообщения постоянно передают информацию о состоянии банки и внешнего мира, начиная от температуры, давления и шума, заканчивая запросами на разрешение слива отработанной жидкости. На самом деле таких датчиков, переключателей и тумблеров было такое множество, что они занимали почти все пространство перед ним. К счастью, большинство из них было автоматизировано и требовало вмешательства в ручном режиме только лишь в специфических случаях. То время, на которое прекращался видеоряд, называлось спящим режимом, и каждый раз с его наступлением многие программы банки переходили в фоновый режим или отключались

вовсе. Он мог передохнуть, немного отвлечься от постоянной работы по обслуживанию банки и заняться, если не очень устал, визуальным циклом как собственным досугом.

Единственной доступной формой развлечения у таких, как он, была возможность предаваться мечтаниям и фантазиям. И в этом ему не было равных, кажется, во всей вселенной. В это волшебное время мечтаний он мог попасть куда угодно, сделать свою банку любой формы и размера, наблюдать на экране визуализации великие дела и прекрасные миры и даже, наконец, вырваться из опостылевшей банки на волю — во внешний мир, узреть самого себя, понять свою сущность и предназначение. Он особенно любил мечтать, потому что в этом была хоть и иллюзорная, но возможность изменить замкнутый круг будничного видеоряда, сделав его каким угодно, а лучше всего максимально отличающимся от реальности вплоть до абсурда. Притом, чем абсурднее будет фаза мечтаний, тем лучше.

Но, прежде чем устремиться в мир грёз, стоило завершить некоторые дела по очередному визуальном циклу. Нужно заполнить бумаги, в которых надо отобразить всё, что он увидел за это время на экране, запротоколировать все решения, которые он принял, занести показания некоторых счётчиков и отправить две копии: одну — в отдел, специализировавшийся на анализе данных, а другую — на хранение в архив, где полученную информацию разделяют на долгосрочную и краткосрочную.

Как только с насущными делами было покончено, он в последний раз осмотрел приборную панель, убедился, что все показатели не превышают критических значений, а все программы поддержки работают исправно. Теперь нужно было запустить самый последний и самый важный процесс на текущий цикл, а именно сеанс зарядки жизненных аккумуляторов банки, который можно было проводить только во время действия спящего режима. Это нужно было сделать до начала визуального, или, по-другому, активного режима, если говорить техническим языком. Каждый раз он немного нервничал, опасаясь, что банка не успеет полностью зарядиться до смены цикла, потому что в этих случаях малая зарядка батарей

могла повлиять на работоспособность банки, на её управляемость и координацию. Он помнил дни, когда спящий режим мог многими циклами подряд быть столь коротким, что аккумуляторы не успевали зарядиться даже наполовину. Потом весь активный цикл банку лихорадило, многие программы работали некорректно, а значения датчиков скакали, как ненормальные. Со временем всё устаканивалось, и такие стрессовые моменты становились все реже, хотя иногда по-прежнему случались. И каждый раз это значило, что его ожидает очень напряженный визуальный цикл с множеством сбоев, требующих оперативного вмешательства.

К счастью, банка устроена таким образом, что многие её системы, так или иначе взаимодействуя с внешним миром, были самообучающиеся. Столкнувшись с одной и той же проблемой энное количество раз, они сами начинали с ней справляться. Каким образом это происходило, он толком не знал и имел лишь несколько неубедительных теорий на этот счёт, основанием для которых в большей мере являлись суеверия и мистицизм, чем научный и технический расчёт.

Вскоре, запустив финальные процессы, которые теперь должны были протекать самостоятельно, без его непосредственного вмешательства, он наконец смог хоть немного ослабить вожжи постоянного сосредоточенного внимания, без которого невозможно было поддержание оптимального уровня работоспособности в течение визуального цикла. Теперь можно было выдохнуть.

Стало чуть легче и чуть свободнее. Он вглядывался в темный экран, по которому изредка проплывали мутные разводы и на секунду другую загорались яркие вспышки-звездочки, тут же спешившие погаснуть, но лишь для того, чтобы возникнуть вновь в каком-нибудь другом месте экрана. Показатели в пределах нормы, банка успешно вошла в фазу зарядки, а значит, настало время для фантазий, время, когда он мог отправиться в другие места, создавать новые миры — и вообще заниматься всем тем, что захватывало его дух и ум. Завтра, когда настанет новый визуальный цикл, он отправится изучать мир материальный. А пока

есть время, станет исследовать самого себя, мир внутренний, который, может, был куда реальнее того, где находилась сейчас его банка, его покровители, небо и все прочее, что представляло для него интерес, но казалось таким далеким и неестественным по отношению к нему самому. Там же, внутри себя, он был един с реальностью и полностью чувствовал свою принадлежность к текущему моменту и ситуации. Оттого созерцал каждое ее мгновение и все чаще оставался в нем подолгу, погружаясь все глубже в объятия сладких грез.

Начало пути

Когда именно он появился на свет, он не знал точно и для себя определил свое рождение тем моментом, когда монитор визуализации впервые озарился светом. Первое, что он увидел на экране была другая банка, из тех, которые занимаются внешним обслуживанием корпусов и наружных систем у других своих сородичей. Уже много позже, вспоминая начало своего пути, он пришёл к выводу, что, по всей вероятности, таких, как он, и собирают эти ребята, а кто собирал их самих, оставалось загадкой. Поэтому долгое время, всякий раз, когда в мониторе появлялись банки в белых одеждах, он испытывал благоговейный трепет, полагая, что перед ним высшие создания, которые благодаря своей могучей воле исторгли его из небытия в этот мир. Позже он, конечно, догадался, что они такие же банки, как и он сам, с таким же функциональным набором и способностями, и восторга у него поубавилось. Но зато теперь он их искренне уважал за полезный труд и каждый раз испытывал чувство благодарности и симпатии, когда они залатывали очередную брешь в корпусе его банки. Вообще таких банок-техников он повидал немало, потому как первое время после рождения только они его и окружали. Это было странное время, он ещё плохо осознавал себя и свою банку. Впрочем, так было совсем недолго, и через какое-то время он уже стал догадываться, что поведение его банки зависит от того, какие рычаги на панели он переключает. К слову сказать, что с того момента, как экран визуализации осветил первый раз приборную панель, он ни разу не ошибался с запуском той или иной

программы, как будто он уже знал, что нужно делать, но как бы на уровне ощущений. С течением времени он начал осмыслять свои действия и начал подмечать, как именно меняется видеоряд на экране после очередных манипуляций на контроллере. И после некоторого количества испытаний увидел закономерность в поведении банки после нажатия на панели определённых кнопок и переключателей в нужной последовательности. Дальше было уже проще, и вскоре он уже запускал все программы осмысленно, зная, за какой процесс ответственна та или иная из них.

А потом случилось, наверное, самое главное событие в его жизни. Как-то во время очередного активного режима, он, как обычно, глядел в экран визуализации и пытался изучать мир вокруг, разумеется, в тех пределах, которые ему были доступны, исходя из технических возможностей банки на тот момент. Как вдруг в поле зрения его оптики появились две банки из тех, что занимались его обслуживанием уже который активный цикл. Они подняли его над поверхностью и куда-то понесли, он не видел куда, но то, что он перемещается в пространстве, указывали все датчики. Какое-то время спустя он понял, что находится в новом для него помещении, в котором он доселе не бывал. Оно сильно отличалась от всех тех, что он видел прежде. До сих пор весь мир ему представлялся в оттенках белого — светлые комнаты, белые стены и серые потолки, такие же одежды на банках-механиках. Он, конечно, догадывался о том, что этот мир не состоит из тех трех комнат, в которых он успел побывать, как минимум, должна была быть ещё парочка, но он не мог представить, что они могут так удивительно различаться друг от друга. Комната не была белой, он не знал пока других цветов и не мог дать определение увиденному. Но был впечатлен, насколько этот цвет непохож на тот, первый. Он чем-то был похож на экран визуализации, во время спящего режима, в нем как будто бы отсутствовал свет. Тогда он подумал, что это хорошо, что в этом мире есть место для другого цвета, потому что было очень приятно оказаться здесь, где лучи дневных ламп не бьют по оптике. А ещё он подумал, что, наверное, если он какое-то время побудет в этой комнате, ему так же приятно будет вернуться обратно. Наверное,

этот контраст специально придумали инженеры этого мира, чтобы в жизни было всегда что-то ещё, помимо основного, заключил он для себя.

Не успел он привыкнуть к новой реальности вокруг него, как вдруг перед ним возникла банка, которую он так же, как и комнату, видел впервые. И она тоже была другого цвета! Почти такой же, как стены комнаты. Этот факт навел его на мысль о том, что, наверное, цвет твоей банки зависит от цвета комнаты, в которой тебя собирают. И тут же ему стало интересно, сколько же ещё разных цветных комнат может быть? Но почти сразу он отбросил эту мысль как абсурдную. Казалась невозможной идея о существовании каких-либо ещё цветов кроме тех, что он уже видел.

Ну что ещё сверх этого можно придумать? А потом случилось невероятное: обзор его оптики, который до этого охватывал только головной центр банки нового знакомого, отдалился, и он смог увидеть банку целиком. Он был поражен, корпус банки был покрыт одеждой и мало того, что они не имели ничего общего с белыми одеждой механиков, так все они были разных цветов! Он заороженно смотрел на них и думал, что это самое прекрасное зрелище, которое только могли придумать инженеры мира. Ещё только что он считал, что нельзя придумать ничего лучше тех цветов, которые он уже знал. И тут это великолепие. Это было потрясающе. Он решил, что перед ним, наверное, один из создателей мира и что ему очень повезло, быть может, ради этого момента он и был собран.

А потом он ужаснулся мысли, что не сможет долго выносить внеземной красоты этой банки и скоро растворится в её лучах без остатка, как вдруг корпус банки инженера земли стал стремительно приближаться. Все датчики уже хотели было взорваться предупреждениями об опасности, но тут сближение вдруг сошло на нет, и корпуса их банок мягко состыковались друг с другом. На экране визуализации стало почти также темно, как и во время спящего режима, но почему-то он не чувствовал угрозы, наоборот, в

нем возникло совсем новое чувство, которого он никогда не ощущал прежде.

Внутри него появилось тепло, мягко расходившееся волнами, и несло в себе закодированное послание: «Все хорошо, ты в безопасности». И ему действительно стало хорошо и спокойно. Тут же датчики на панели отреагировали положительными значениями, автоматически запустились какие-то программы, и он понял, что это тепло сейчас разливается по всей конструкции банки, даже в самые дальние ее уголки. И когда он подумал об этом, стало очевидно, что ни одна банка на свете не может жить без этого тепла, и это самое ценное и лучшее, что может обрести любой из его рода.

«Мама»... — вдруг всплыло в его сознании. Он понятия не имел, что означает это слово и откуда он его вообще знал. Но сейчас его это не интересовало, ему просто раз за разом хотелось произносить это слово — «мама...».

Это было уже очень давно, и с тех пор он многое узнал: например, что цветов может быть несчетное количество, что мир гораздо больше, чем пара комнат и ещё, что, сколько бы ты ни жил, всегда будет возможность узнать и увидеть что-то новое. Так происходило всегда, стоило ему только задуматься о том, что он, кажется, разгадал все тайны жизни, как сразу же происходило что-то такое, что ясно доказывало, как он все-таки далёк ещё от понимания всех истин мироздания. Но, к его сожалению, такое происходило все реже, потому как с некоторых пор весь мир ограничился для него родным домом. Все те же несколько комнат, совсем непохожих, конечно, на те, в которых он появился на свет, но все же...

А ведь он знал, что есть большой открытый мир, знал точно, потому что до сих пор время от времени его банку переправляли в дом механиков. И во время всего цикла перевозки, он мог наблюдать в экран визуализации открытый мир, который стелился далеко за пределами возможностей его оптики. Каждый раз он с восторгом наблюдал за течением жизни в этом пространстве.

Множества банок разных конструкций и цветов перемещались во всех направлениях разными способами: кто-то при помощи

механической системы передвижения банки, кто-то, как и он сам, на специальном транспортном средстве. Но что больше всего поражало его воображение, так это уровень пространства, который можно было увидеть, если джойстик оптики передвигать по вертикали вверх. Это было потрясающее место, насколько он знал. Оно называлось — небо. По крайней мере, такое название было в той книге, которую ему однажды принесли его банки-покровители, те самые, которые забрали его после рождения из дома механиков. Та книга состояла из черно-белых изображений различных предметов и сооружений. И его задача заключалась в том, чтобы с помощью цветных цилиндров нанести специальную краску на поверхность чертежей в таком соотношении, чтобы было максимально схоже с тем, как эти объекты выглядят на самом деле. Каждая страница была подписана, а буквы он уже умел составлять в слова благодаря другой книге. Поэтому, исходя из подписи к изображению, он резонно делал вывод, что это его название. Так он узнал, что такое дом, поле, дерево, некоторые низшие формы банок, вроде собак и кошек или жирафов... и многое другое, в том числе и небо.

Так вот это небо было самым удивительным и странным из того, что ему приходилось видеть. Он не представлял, как далеко от него оно находится, из чего сделано и для чего нужно, но всякий раз, когда оно хоть ненадолго появлялось на экране, он замирал от восхищения. Больше всего ему хотелось потрогать небо, узнать, какое оно на ощупь и заглянуть внутрь, чтобы узнать, что там. Также оно привлекало его тем, что казалось очень большим, больше чем что-либо другое в открытом мире. Он, конечно, не знал его точных размеров, но однажды вдалеке ему удалось увидеть место, где небо соединяется с землёй, а дальше уже ничего не было. Из увиденного он сделал вывод, что там, по всей видимости, заканчивается мир и что этот мир был в форме полусферы.

Эти и многие другие открытия он сделал за непродолжительные поездки к механикам. Но это бывало редко, и большую часть своей жизни он проводил в доме его покровителей. И в отличие от призрачной реальности большого мира за окном, этот дом был

самым настоящим, пожалуй, пространством для жизни после его банки. А ещё здесь с ним были его покровители. Мама и папа, так он их называл. Они были такими же банками, как и он сам, только гораздо больше по размеру и гораздо старше и мудрее, это он знал наверняка. И хотя они не были создателями всего мира, как ему показалось при первой встрече, но на территории своего дома они были решателями судеб и повелителями материи. Все подчинялось их воле в этом пространстве, они могли крушить и созидать по своему усмотрению. Он так не мог. И хотя его банка прилично прибавила в размере с тех пор, как он попал сюда, теперь он даже мог поддерживать всю конструкцию банки в вертикальном положении, чего раньше никак не мог. Все равно ему было далеко до могучей конструкции его отца — покровителя, который, казалось, с лёгкостью совершал любые, даже сверхсложные манипуляции в пространстве.

Впрочем, и он тоже был способен на простенькое взаимодействие с материей. Но в отличие от покровителей, которые повелевали и им подчинялись, он скорее сотрудничал с окружающим миром. Договаривался, при этом часто приходилось идти на уступки. Так, например, было с набором конструктора, который однажды принесли ему покровители. Этот набор состоял из множества деталей разной величины, формы и цвета. В основном из кубов, но также были и другие: параллелепипеды и цилиндры и производные от них. Как только все детали рассыпались перед ним на полу, он инстинктивно начал понимать, что от него требуется. Предчувствие никогда его не подводило с самого рождения, поэтому он как всегда решил ему довериться. Он понимал, что каждая деталь не полноценна сама по себе, и лишь путем механической состыковки их определённым образом и в определённой последовательности можно добиться того, что эти разрозненные частицы превратятся в нечто целое и завершённое. Его догадки подтвердил отец-покровитель, который ловкими движениями соединил детали таким образом, что они в совокупности стали напоминать дом, в котором они жили. Это зрелище поразило его, и он почему-то сразу задумался о том, могут ли все банки на земле соединиться

аналогичным путем, чтобы создать невиданную доселе конструкцию.

Он бы очень хотел присоединиться к этой грандиозной трансформации, так как понимал, что даже одна отдельно взятая банка, вроде отца-покровителя, имеет значительное влияние на этот мир, а что тогда говорить, о таком явлении, как слияние всех банок на планете в единый организм с едиными целями и устремлениями. Такая сила, только представить! По его подсчётам, которые основывались на наблюдениях во время поездок к механикам, во всем видимом пространстве мира проживало никак не меньше пяти сотен банок. Учитывая расстояние до того места, в котором земля встречается с небом, смело можно было говорить о трех, а то и пяти тысячах банках! Такая сила могла не только с легкостью менять пространство вокруг себя, но и, пожалуй, создавать новое. Наверное, раньше банки умели объединяться и тем самым создавать миры вокруг себя, вероятно, так и появилась эта планета. А сейчас они отчего-то забыли об этом и теперь подобно тем деталькам из конструктора разобщены, и каждый живёт только внутри своей собственной банки. И каждый чувствует свою оторванность от великого механизма, и потому все растеряны и не могут понять, в чем смысл жизни и предназначение каждого. Потому и хотят верить в великих инженеров-создателей, которые однажды придут и вновь объединят всех в единую сущность, в которой каждый займёт свое место.

Через секунду он отогнал от себя все эти мысли, потому как нужно было сосредоточиться на поставленной задаче. Как бы легко это ни выглядело в исполнении отца-покровителя, на деле для него это оказалось не так-то просто. И хотя в тот первый раз у него ничего не получилось, он сделал вывод о том, что началом для построения чего-либо на этой земле является поиск нерушимого основания, на которое будет опираться всё, что ты хочешь возвести. Так, если он хотел поставить кубик на стену, то он сразу же падал по вертикали на пол, а уже там держался достаточно уверенно. Из этого наблюдения он сделал два вывода: первый заключался в том, что горизонтальная поверхность мира является основанием для

большинства вещей, а второй вывод был такой, что все на земле стремится занять свое положение в пространстве измерений, исходя из своей внутренней консистенции и внешней формы. Это, в общем-то, казалось ему логичным и основополагающим явлением, и он никак не мог взять в толк, почему его покровители, порой заставляли материю измениться противоестественным способом. То, что по природе своей должно было лежать на полу, они вешали на стены, то, что должно быть горячим, они остужали и наоборот. Он считал, что это неправильно. Но позже он увидел такое, что заставило его переосмыслить это убеждение.

Однажды, в один из активных циклов, он собирал свой конструктор, детальки которого уже приручил и теперь мог управлять ими не хуже покровителей, как вдруг в краешке экрана он засек движение. Переместив джойстик оптики вслед ускользающей картинке, он увидел, что это был маленький пакетик, который, повинувшись своей природе, соскользнул со стола и медленно опустился на пол. Он уже было хотел вернуть свое внимание обратно к разноцветным кубикам, как вдруг в комнату вошла мать-покровительница. Вместе с ней в комнату проник сквозняк, который подхватил пакетик и поднял его высоко над поверхностью. Немного повисев под потолком, он снова начал тихо опускаться вниз. Происшествие сильно его озадачило. Дело в том, что он не понимал, как это объяснить. С одной стороны, это можно было трактовать так, что подобно покровителям ветер своей волей изменил сущность пакета, заставив его двигаться в противоположном от земли направлении. С другой стороны, можно было сказать, что пакетик, почувствовав изменения в пространстве, сам воспользовался этими переменами и поднялся вверх. Но почему тогда это сделал только пакетик, а не детальки конструктора, которые находились в тех же условиях? Может, их устраивает находиться на родном полу, а пакетик, захотев лучшей доли, сумел преодолеть себя и нашел возможность подняться вверх. Впрочем, вскоре разочаровавшись в новом положении, он с грустью начал возвращение восвояси, утвердившись, что на самом деле нет разницы между здесь и там,

потому что, в конечном итоге, потолок — это тот же пол только с другой стороны.

Но об этом он размышлял недолго, так как знал, что подобная материя в отличие от его банки, например, не имеет никого внутри себя, кто бы мог чего-то захотеть или что-то подумать.

Поразмыслив, он пришёл к выводу, что все в этом мире воздействуют друг на друга и в зависимости от условий существования и переменных факторов, вроде сквозняка, материя может меняться как угодно прихотливо, несмотря на первоначальное предназначение. Ещё подумав над этим, он смог сформулировать постулат, который гласил: ничто в этом мире не определено, так как всё может измениться в любой момент времени, потому что нет достаточного основания ни у чего, что сможет остаться определённым несмотря ни на что.

Он чувствовал некоторую неточность в этом определении, но в целом считал её верной. Согласно этому определению получалось, что вся материя однородна и получает свои свойства из обстоятельств, а обстоятельства в свою очередь формируются из-за давления свойств материи, которые опять же создаются под влиянием окружающей среды и так далее. Получалась целая система, замкнутая и уравновешенная. Впрочем, такое равновесие больше походило на хаос, но... тем не менее выходило, что всё становилось таким, каким есть по случайности, и могло измениться до неузнаваемости в любую секунду.

Однажды запущенный механизм создания реальности до сих пор работал исправно, миг за мигом формируя всю ткань пространства, времени и событий. А уж как именно это получится и что из этого выйдет, решал случай.

Вначале его это огорчило. Вот сегодня ты — пакетик, который лежит на столе, у тебя есть определённый набор качеств: масса, размер, форма и разный функционал. И мир вокруг ты оцениваешь, исходя из этого. И думаешь, что ты — это ты. Но приходит момент, и вот ты — уже падающий со стола пакетик, и вроде ты все ещё тот же, но уже совсем по-другому себя ведешь и думаешь, что ты

изменился, и вот теперь стал другим. Но вот ты снова на полу и теперь не понимаешь, какой из двух пакетиков настоящий: тот, что лежит на столе, или тот, что падает вниз? Потом подхватываемый силами вселенной, ты уже несешься вверх, с восторгом устремляясь к вершинам твоего мира, но и там, недолго задерживаясь, вновь стремишься к земле... и так всю жизнь: ты то один, то другой. И получается, что ты — это всего лишь то состояние, в котором находится твой разум в данный отрезок времени.

Но, немного подумав, он решил, что не будет расстраиваться по этому поводу, потому что на самом деле это не хорошо и не плохо, а просто так есть, и какой смысл сокрушаться, если все равно не можешь ничего изменить, и лучше было бы сосредоточиться на позитивных моментах. Он так и сделал. Он подумал о том, что теперь у него есть надежда на то, что однажды и его подхватит сквозняк перемен и поднимет до того уровня пространства, который не переставал щекотать его воображение в последнее время — небо. Он не переставал думать о нем. Но он ничего о нем не знал и очень хотел верить в лучшее, потому что жить по-другому просто было нельзя. И со временем провалы в знаниях он начал замещать фантазиями. Он все время представлял, как попадёт на небо и как там всё будет здорово. Всё там будет по-другому, и ему можно будет, наверное, жить вне банки, которая, к слову, уже порядком надоела из-за ограниченных возможностей, которые не позволяли ему реализовать свои амбиции на сто процентов. Тогда ему не нужно будет следить за всеми треклятыми датчиками, цикл за циклом выполняя одну и ту же монотонную работу. Он сможет увидеть мир не через призму экрана визуализации, а таким, какой он есть, на самом деле. Он представлял, что там не будет комнат и вообще никаких ограничений в перемещении. И, конечно же, там он найдёт высших инженеров-создателей, которые, несомненно, будут добры к нему, даже добрее, чем покровители. И самое главное — они поведают ему о тайнах мироздания и подарят ему милость бесконечного познания непрекращающегося нового.

И теперь он знал, что это возможно. Он не сомневался, что сможет попасть на небо, нужно было только найти особенную комбинацию воздействий, которые в совокупности создали бы такую среду вокруг него, где он бы получил возможность для этого. И тогда он точно окажется там, а может, где-то ещё дальше. Он не мог представить себе пространства выше небес, но также он отлично помнил, что когда-то считал, что весь мир состоит из нескольких комнат и двух цветов. Поэтому он не отверг мысль о том, что за уровнем неба есть что-то ещё, но думать об этом было страшновато, потому что он пока даже не знал, как покорить этот слой мира. А ведь сколько слоев могло оказаться ещё дальше, в которые ему, может, вообще не дано будет попасть. Неприятно было осознавать, что в мире останутся места, где ты не сможешь побывать. Впрочем, ему было рано беспокоиться об этом, и он решил, что будет лучше заняться основной проблемой, нежели переживать о пока несуществующей.

Так он и жил, изучая мир вокруг по обрывкам информации, которые до него доходили от покровителей и из открытого мира, размышляя над всем, что он видел на экране визуализации, делая предположения и пытаясь проверить их опытным путем. Тогда он и не подозревал, что благодаря этому любопытству его жизнь вскоре должна будет измениться навсегда.

Однажды, когда он уже в достаточной мере овладел управлением механизмами перемещения его банки в пространстве и теперь мог самостоятельно перемещаться по дому из комнаты в комнату, он решил направиться в ту, в которой главная дверь вела напрямиком в открытый мир. Он хотел изучить место состыковки двух реальностей и узнать, в какой именно момент пространство открытого мира превращается в пространство дома его покровителей и наоборот. Но, идя по длинному коридору в нужном ему направлении, он обнаружил нечто новое, что прежде никак не мог заметить в силу того, что раньше его покровители перемещали его через расстояние с помощью могучих механизмов своих банок, подчинённых их негибкой воле.

Слева на стене было отверстие квадратной формы, заделанное таким же материалом, как в транспортном средстве, на котором они передвигались сквозь открытый мир. Он был твердым, но при этом бесцветным, как вода, и в отличие от стен через него можно было видеть все, что происходило по ту сторону дома. Он подошёл ближе и оказалось, что он едва дотягивается до того уровня, где стена кончалась и начинался проем.

Заглянув за край стены, он увидел, что перед ним словно был ещё один экран визуализации только снаружи банки, и уже в нем отображался внешний мир: деревья вдалеке, другие дома и, конечно, небо. Оно, как всегда, было прекрасно, казалось совсем близким, и он вдруг заметил, что если приложить руку к прозрачной «стене» и под правильным углом установить обзор оптики, то на экране визуализации это отобразится так, как будто он прикоснулся к небу. Наверное, это был какой-то системный сбой или дефект оптики. Ему казался неприемлемым тот факт, что он может видеть что-то очень ясно и чётко, но при этом обманываться. Он с самого рождения привык доверять тому, что он видел на экране визуализации и никогда не сомневался в подлинности изображения. А теперь выходило, что он не мог на сто процентов полагаться на свое зрение. В тот момент он почувствовал такое разочарование, как будто внутри него раскололся и теперь рушился один из основных столпов, на котором держалось его мировоззрение.

Кто знает, чему ещё нельзя доверять? Он начал перебирать в уме возможные варианты. И тут вдруг до него дошла страшная догадка. Ум... а вдруг его собственному уму тоже нельзя было доверять? Вдруг все его размышления искажены, подобно тому, как оптика искажает картинку на экране? Конечно, так и было, если не полностью, то минимум на ту долю, на которую влияет визуальная составляющая при формировании умозаключения.

От этой мысли весь мир вдруг стал серым. Он почувствовал, как ещё один столп внутри него стал покрываться трещинами, и он понял, что если дать и этой последней опоре его души пасть, то следом рухнет и он в тёмную бесконечную пучину

неопределённости и сомнений. Душа не должна сомневаться. Это он усвоил для себя твёрдо. Всякий раз, когда ему приходилось сомневаться в чем-то, это сразу сказывалось на состоянии его банки. Как будто все её механизмы начинали работать как-то неуверенно, программы начинали ошибаться, из-за чего то и дело происходили сбои, что, конечно, не шло банке на пользу. К тому времени он уже знал, что так банка реагирует на смену его настроения. Когда ему было хорошо, банка функционировала отлично, но стоило только в его душе зародиться страху, унынию или, как сейчас, сомнению, то все показатели тут же падали, иногда до значений, которые не позволяли банке работать даже на треть от её реальных возможностей. Поэтому он решил никогда не поддаваться этим скверным чувствам, а больше искать тех ощущений, которые повышают производительность банки. Вот и теперь он решил: вместо того чтобы предаваться отчаянию, он должен занять свой ум такими устремлениями, которые приведут его в положительные состояния.

Он задумался над этим. Лучше всего он чувствовал себя в двух случаях: когда проводил время с покровителями и когда ему случалось узнать что-то новое об этом мире. Покровителей рядом не было, да и они не смогли бы ему помочь с этой проблемой, хоть наверняка знали ответ. А вот его любопытство и жажда знаний всегда были при нем. Как и всегда, все предположения, которые рождались внутри него, необходимо было подвергнуть испытанию.

Кто знает, может, до неба и вправду можно дотянуться рукой? Тут же созрел план. После принятия определённого решения и постановки конкретной цели сразу пришло облегчение. Растерянность и метания ушли, а их место заняли решительность и сосредоточенность. Дотянуться до неба, казалось, непростой задачей, хотя бы потому, что для этого нужно было забраться наверх, туда, где начиналась прозрачная стена. Он уже прилично владел всеми механизмами банки и примерно знал, что нужно делать. Опять же его интуиция, как всегда, уверенно подсказывала, что лучше сделать, чтобы достичь нужного результата. Он немного

волновался, боясь, что мощностей его банки не хватит для того, чтобы совершить задуманное.

Но, как только он приступил к делу, тут же сыграли те самые положительные ментальные вибрации его разума, которые совершенно мистическим образом влияли не только на характеристики банки, но и, казалось бы, на случайные обстоятельства в пространстве, которые помогали ему достичь желаемого, проявляясь в виде возможности в нужное время в нужном месте. Так случилось и в этот раз, когда вследствие его действий очень удачно от стены отвалилась небольшая часть её конструкции, отчего в стене образовалось отверстие, через которое он увидел уже знакомый ему прибор, умевший излучать тепло. Точно такой же он видел в комнате, где отмывали корпус его банки от налета, скопившегося за активный цикл. По неясным для него причинам покровители решили замуровать этого бедолагу в стену. Для него, любившего простор этого мира, это решение покровителей показалось очень жестоким, и поэтому он чувствовал, что сделал хорошее дело, открыв для механизма хоть немного нового жизненного пространства. Ведь, по его мнению, никто не должен быть лишен возможности видеть мир и все чудеса в нем. И хоть он знал, что внутри в таких механизмах пустота и нет того, кто бы мог по достоинству оценить его поступок, он все-таки надеялся, что прибор порадуетя случившемуся.

Эти штуки излучали тепло, как и он сам. Быть может, в них все-таки была жизнь, хоть и примитивная. Окончательно утвердившись в своей правоте, он оперся на образовавшийся уступ внутри дырки в стене и благодаря этому через некоторое время уже гордо возвышался на краю небольшой площадки, сделанной из белого скользкого и неприятно пахнущего материала. По другую сторону от неё начиналась прозрачная стена.

За невидимой преградой оказалась та часть открытого мира, которая обычно начиналась за дверью главной комнаты в доме. Поверхность земли там был покрыт зеленой травой и по периметру огражден белым забором, за которым начиналась транспортная

сеть, следуя изгибам которой можно было добраться до дома механиков. За ней плотными рядами стояли деревья, и дальше уже ничего не было видно.

Это было замечательное зрелище, и оно казалось так близко. Стоит только сделать шаг... Но корпус его банки уткнулся в холодную прозрачную стену. Он прижался всем корпусом к непроницаемой преграде, пытаясь протолкнуть себя через неё, но все было тщетно. И когда он уже начал думать, что её невозможно преодолеть, обратил внимание на ту часть стены из белого неприятного материала, которая обрамляла весь прозрачный барьер, и обнаружил с краю какой-то отросток, напоминающий то ли поручень, то ли рычаг. Он ухватился за него и попытался дернуть его на себя. Ничего не произошло. Потом от себя. Тоже безрезультатно. И только когда он резко потянул его вниз, почувствовал, как вдруг поручень с силой потащил его вперед, и на этот раз ничто не остановило его движение. Он понял, что часть стены вместе с барьером распахнулась перед ним, словно дверь, предоставив ему путь в открытый мир. Не успел он обдумать это, как вдруг все датчики на панели взорвалась предупреждениями об опасности. Взглянув на показатели, он понял, что его банка находится в критическом положении. Устойчивость его относительно поверхности находилась на нижней границе нормы и неуклонно снижалась, и в момент, когда он вновь взглянул на экран, то увидел, как та самая поверхность, которую он только что потерял, приближалась теперь к нему сама с угрожающей скоростью. Он не успел ни удивиться, ни испугаться, а лишь с досадой подумал о том, что движется совсем в противоположном от неба направлении.

Долгое время после случившегося он провел в доме механиков. Насколько долго, сложно было сказать, но по его ощущениям не меньше всей жизни. Так казалось потому, что его банка все это время была прикована к проклятой горизонтальной поверхности, от которой он так хотел отделиться, а теперь стал зависим от неё ещё больше.

В результате падения банка была сильно повреждена: помимо различной степени сложности вмятин и рассечений корпуса были две действительно крупные поломки: во-первых, был сломан двигательный аппарат, но, по всем данным, он, кажется, стал понемногу восстанавливаться. Это давало надежду на то, что он вновь сможет перемещаться в пространстве, как и прежде, а во-вторых, от удара была повреждена акустическая система в центральном блоке, и теперь звуковые волны внешнего мира не поступали к нему на панель. И тут все было серьезно. Все датчики, отвечающие за данный процесс, погасли, и он тщетно щелкал на них в надежде, что они оживут. Так он остался в одиночестве. Он никогда раньше не задумывался над тем, насколько важным для его мировосприятия был звук. Он его не замечал, потому что того нельзя было потрогать или увидеть. Звук казался привычным и само собой разумеющимся явлением. А теперь ему казалось, что из его личной вселенной пропало одно измерение. Да, теперь он относился к звуку как к четвёртому измерению пространства и почти физически ощущал его отсутствие. Мир как будто стал меньше, с размытыми контурами и более медленный. Но самым главным недостатком было то, что он теперь стал чувствовать себя взаперти внутри собственной банки. Это усугублялось постоянной неподвижностью и каждодневной рутинной. Время от времени к нему приходили механики, а позже стали приходить и покровители, и в это время он мог отвлечь свой контуженный разум от постоянного томления и скуки. За это он полюбил их ещё больше и все чаще стал называть их не покровителями, а просто мама и папа.

Из-за потери слуха, он стал хуже воспринимать мир вокруг. Ему постоянно казалось, что он как будто бы находится внутри непроницаемого мыльного пузыря, который притупляет его обычную способность к восприятию окружающей действительности. Из-за этого интерес к внешнему миру у него сошёл на нет, и теперь он все чаще обращался внутрь себя, исследуя свою банку и размышляя о том, кто он и для чего появился на свет.

Для себя он решил, что нет больше смысла в том, чтобы пытаться понять этот огромный и сложный мир. Во-первых, потому что теперь технически это стало гораздо труднее, во-вторых, потому что он знал, что показания его датчиков не объективны, хотя и допускал, что может не объективна его интерпретация этих показаний. В любом случае теперь он не мог доверять полученной информации, а строить свое мировоззрение без опоры на проверенные факты все равно, что толочь воду в ступе. Единственное, что ему теперь оставалось, это выбрать в качестве исследования свой внутренний мир и попытаться разобраться в нем, и если получится, то, может быть, и большой мир сразу станет более понятным.

Теперь он знал, что будет делать. И это нужно было делать быстро, пока черные щупальца сомнений не опутали его разум. Наконец утвердившись в своем решении окончательно, он последний раз посмотрел на экран визуализации, потом поколдовал на приборной панели, запустил все возможные программы для саморегулирования систем банки, а затем без всяких раздумий опрокинул внимание внутрь своего ума. И сразу же его подхватило ментальное течение и водоворотом начало засасывать все глубже в абсолютно новое психоэмоциональное пространство, измерения которого создавались благодаря взаимодействию мысленных образов, навеянных памятью из сложившихся стереотипов попеременно с фантазиями утопического характера. Он расслабился и полностью отдал свое сознание на волю этой стихии, надеясь на лучшее и ожидая нового.

Внутри себя

Психоэмоциональный шторм, бушевавший на поверхности и являющийся первым слоем его ума, оказался за спиной довольно быстро. Настолько быстро, что он даже не успел толком ничего разглядеть, пока проваливался сквозь него. Запомнилось только, как перед взором приносились какие-то очень яркие, но нечёткие образы, которые казались знакомыми, но в то же время были абсолютно неузнаваемыми. И ещё с каждым новым мелькающим

образом менялись ощущения, которые также были гипертрофированы и скакали в огромном диапазоне от умопомрачающей эйфории до безысходной тоски. Все это происходило за мгновение и поэтому становилось чрезвычайно тяжёлым испытанием. Никто не смог бы находиться там долго и при этом оставаться в рассудке. К счастью, все это уже осталось позади, и теперь он мирно спускался в глубинные слои своего разума.

Здесь было гораздо спокойнее, и почти ничего не попадалось на глаза, лишь изредка вдалеке, словно киты, медленно дрейфовали огромные тени мыслеобразов. Это было пространство устоявшихся знаний, парадигм и представлений. Время тут текло гораздо размереннее, отчего погружение было таким медленным, что порой ему начинало казаться, что он завис в одной точке и теперь не двигается вовсе. И лишь одно ощущение, что вода вокруг становится все темнее и холоднее, указывало на то, что он погружается все глубже.

Так продолжалось довольно долго. Вдруг он осознал, что находится в кромешной темноте, а температура понизилась так, что холод сковал даже его внимание, и он теперь только и мог, что тупо смотреть перед собой. Ему стало страшно, он подумал, что, быть может, это холодное, темное пространство станет ему могилой, в которой он заживо похоронен

навечно. И когда эта мысль эхом ужаса стала отражаться внутри него, становясь все более оглушительной, намереваясь перерасти в паническую атаку, вдруг впереди он заметил маленькую светящуюся точку. Затем ещё одну. И ещё. И эти точки определённо приближались к нему, с каждым мгновением становясь все больше.

Через некоторое время первые из увиденных точек уже были огромными шарами, освещая все больше пространства вокруг, а далеко впереди уже горела целая плеяда точек разной удалённости. Только теперь, когда мир вокруг снова стал наполняться светом, он понял, что все эти шары, находятся на

самом деле невообразимо далеко от него и имеют просто колоссальные размеры. И на самом деле приближались не они к нему, а он к ним, притом просто с фантастической скоростью. Окончательно убедился в этом он тогда, когда вместе со светом пришло тепло, и оковы холода отпустили его. Он почувствовал, как несется через пространство. И, что удивило его больше всего, вокруг не было толщ воды как прежде, теперь он не опускался вглубь, а наоборот, летел высоко вверх. В какой момент произошла подмена, оставалось лишь догадываться, но сейчас ему было не до размышлений, потому как тот маленький огонёк, который он увидел первым, теперь уже был размером с планету и с каждой секундой становился все ближе, закрывая собой почти весь горизонт. Вначале он испугался, что они неизбежно столкнутся и его размажет о поверхность этого небесного тела, но, чем меньше расстояния между ними оставалось, тем яснее он понимал, что шар-огонёк пролетит все же мимо его орбиты.

В какой-то момент он начал пролетать параллельно огромной сфере и оказался на минимальном расстоянии от неё. Несмотря на невыносимое свечение, исходившее от неё, он все же повернул взгляд в её сторону. Первое время он ничего не мог разглядеть вообще и поэтому отвел взгляд, так ослепительно горела звезда. Но потом он вспомнил, что на самом деле не должно быть никаких препятствий для него, потому что сейчас он смотрел на мир не с помощью своей несовершенной оптики, а истинным зрением своего разума и смотрел-то он, в общем то, не на мир даже, а внутрь себя. Как только к нему пришло осознание этого факта, все сразу изменилось.

Свет по-прежнему заливал все вокруг, но теперь он не резал глаза, и сквозь него он мог видеть всё, что происходило на поверхности звезды. С первого взгляда ему показалось, что звезда целиком и полностью состоит из воды. Она — вроде гигантской капли, скорее даже, моря, свернутого в сферу и подвешенного в воздухе, потому что по его поверхности проходила рябь, похожая на волны.

Но присмотревшись внимательнее, он понял, что это никакая не вода, а то, что он принял за волны, были на самом деле длинные цепи попарно изогнутых линий из неопределённого материала, которые, закручиваясь относительно друг друга, образовывали спираль, тянущуюся в обе стороны до самого горизонта. Из таких спиралей, наложенных одна на другую, и состояла вся сфера. Хорошо видны были только те, что были на поверхности, остальные же терялись в толще и были лишь слегка различимы. Эти спирали, которые на первый взгляд действительно походили на гребни волн, поднимаемых ветром на море, постоянно вращались вокруг своей оси, создавая иллюзию движения на поверхности звезды. Что приводило в движение эти структуры, оставалось только догадываться.

Он напрягся изо всех сил пытаясь разглядеть, что же происходит на глубинных уровнях, но из-за бешеной скорости так рябило в глазах, что на мелких деталях абсолютно невозможно было сфокусироваться. Зато он обратил внимание на то, что одна из цепей вдруг распрямилась, обе составляющие её линии разошлись в стороны и вскоре стали закручиваться вновь, при этом попутно создавая себе новую линию в пару, образуя с ней полноценную отдельную цепь. Как именно это произошло, он не понял, а как следует разглядеть механику деления спирали ему не удалось. Оставалось только в очередной раз поразиться чудесам, которые происходят в этом пространстве.

Тем временем, он уже окончательно пролетел звезду, и она осталась за спиной, становясь все меньше, а спирали на её поверхности не различались более вообще. Оглянув её последний раз, он перевёл взгляд в направлении траектории своего падения... или полёта — теперь уже было неясно. То множество светящихся, еле видных точек, которые появились вслед за первой звездой, уже успели вырасти до огромных шаров, с каждой секундой становясь все ярче. Какое-то время он без всяких мыслей замороженно смотрел на открывшийся вид — так прекрасна была панорама созвездия. Когда глаза его насытились зрелищем и восхищенное

оцепенение стало проходить, он вновь смог сфокусироваться на практических мыслях. Он подумал о том, что единожды ему удалось чудом избежать столкновения с одним из этих гигантских спиральных клубков, но теперь их было так много впереди, что не возникало никаких сомнений: встреча «лицом к лицу» с одним таким лишь дело времени. Ему стало не по себе, потому что он не знал, чего ждать от такой встречи.

Мимо него, к счастью, достаточно далеко проплыли первые две звезды, точнее сказать, это он пронесся между ними с оглушительной скоростью. Но вдалеке он уже видел такое густое скопление ярких точек, что понял — беды не миновать. Теперь уже откровенно стало страшно, неужели вот так закончится его путешествие? Он погибнет или ещё что похуже? С этим никак нельзя было мириться.

Он начал судорожно думать. Однажды его озарение уже помогло ему смотреть на звезду, при этом не ослепнув. Теперь ему нужно было придумать как он сможет уклониться от столкновения, если придётся. Ничего не приходило на ум. Он попытался думать о различных направлениях — вверх, вниз, вправо и влево, но ничего не происходило, и он по-прежнему летел по той же траектории, которая сулила ему в скором времени встречу с огромным светящимся шаром, которая вполне могла оказаться фатальной для него. Один такой как раз появился вдалеке, и его радиус неуклонно рос с каждым мгновением. Он осознал — в этот раз ему не удастся пролететь мимо. Огромная глыба разворачивалась прямо перед его взором, и не было ни малейшего шанса, что в этот раз все закончится благополучно. Он оглянулся по сторонам, пытаясь уцепиться взглядом хоть за что-нибудь, что помогло бы ему избежать грядущее, но вокруг была только безразличная к его переживаниям пустота. Звезда была уже так близко, что закрыла своим телом весь обзор впереди. Теперь уже хорошо были видны двойные спирали верхнего слоя, походившие, вероятно, из-за страха на невыносимого вида шнеки, которые с лёгкостью могут размолоть его в пыль...

Стоп, а кого это, спрашивается, «его»? Не сформированная ещё мысль тем не менее сразу зародила в нем робкий огонёк надежды. Кто он сейчас? Он — всего лишь сгусток внимания, который по инерции продолжал свой путь через свое собственное подсознание, и сейчас, по большому счету, он по физическим качествам ничем не отличается от той чёрной пустоты вокруг.

Вот оно! Теперь он почти наверняка был уверен в том, что с ним ничего плохого не случится, а ещё ему в голову пришла догадка, что все в этом странном мире, кажется, зависит от личной осознанности. Он не успел обдумать эту мысль, потому что поверхность звезды была теперь уже так близка, что окружала его почти со всех сторон. Он понял, что вот-вот окунется в эту странную субстанцию, которую создавало переплетение спиралей, наложенных друг на друга. Он хотел прикрыть оптику, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти, но через секунду понял, что не может этого сделать. Ведь прикрывать-то было нечего и нечем. Иронично было осознавать, что раньше он только и мечтал о том, как бы ему вырваться из заточения его аватара, а теперь с удовольствием вернулся бы назад в нутро своей банки, где всегда было так безопасно.

Все-таки мы никогда не будем ценить того, что имеем. И дело тут не в нашем эгоизме или ещё в каких-то других качествах характера. Это больше похоже на ошибку в программном коде, которую допустили великие инженеры-создатели, когда загружали в нас психоэмоциональный софт. И ошибка эта на самом деле является ошибкой только относительно наших представлений о жизни.

От самого нашего создания в нас заложена способность к саморазвитию, и в какой-то момент мы начинаем на основании увиденного и изученного нами самостоятельно делать выводы обо всем на свете. И вот мы замечаем в себе и других какие-то, как нам кажется, неправильные, бракованные качества наподобие выше представленного. И нам ничего не остаётся кроме как с досадой размышлять, почему так получается. Мы не задумываемся о том, что, может быть, всё дело в неверном восприятии и интерпретации

получаемой информации. Например, домашний кот, который считает ошибкой то, что вся еда рассредоточена по холодильной камере, вместо того чтобы быть полностью сосредоточенной в его желудке. Животное не понимает, что, если в действительности запихать в него всю еду в доме, это наверняка приведёт к его скоропостижной кончине, и его счастье, что так не происходит. Также и мы порой огорчаемся из-за того, чему по-хорошему надо бы порадоваться.

Все это рассуждение промелькнуло в его голове за мгновение до того, как он со страшной скоростью влетел в рыхлое тело звезды, и показалось ему настолько не своим, как будто это кто-то другой вот так запросто вложил в него свое мнение по данному поводу.

Все произошло быстро, по ощущениям не прошло и минуты, как он, проносясь с бешеной скоростью через недра звезды, вылетел с её обратной стороны. Он почти ничего не разглядел и ровно столько же почувствовал. Единственное, что успел выловить его взгляд из мелькавших со всех сторон ярких размазанных пятен, это повторяющаяся последовательность одних и тех же букв, которые проходили сквозь него целыми строками, а иногда целыми абзацами. Эти столбики букв, не содержали никакого осмысленного текста и выглядели как случайная последовательность. Но самое удивительное было в том, что при максимальном сосредоточении внимания на отдельной букве можно было заметить, что она в свою очередь состоит из столбиков цифр, которые и создавали её форму. Последовательность, состояла всего из двух цифр: единица и ноль, чередующихся, как казалось, в случайном порядке. Это было очень странно, и он не мог даже приблизительно предположить, в чем тут смысл. Не успел он удивиться чудному устройству странных спиралей, как вдруг пространство впереди расступилось, и он увидел впереди уже знакомое полотно чёрной пустоты с россыпью светящихся точек на нем.

Первые несколько секунд, после того как он покинул чрево звезды, он провел в оглушенном состоянии, бездумно озираясь по сторонам и на уровне рефлексов пытаясь найти равновесие и опору, отчего

не смог сразу распознать те изменения, которые произошли с ним. Только когда он немного успокоился и его внимание снова приобрело фокус, а мышление опять стало контролируемым и направленным процессом, тогда ему наконец удалось вернуть самообладание. И когда это случилось, он неожиданно понял, что теперь действительно ощущает себя, в прямом смысле!

Он опустил свой взор вниз и увидел там то же, что обычно видел на экране визуализации, когда выставлял подобный угол обзора. Свою банку! Точнее то, что он увидел, не было конкретно его банкой, а скорее походило на банку отца-покровителя, такая же большая и могущественная. Но что больше всего его поразило, так это то, что он ощущал её теперь как часть себя. Если раньше он был узником в биомеханической башне и мог судить о ней только по тому, что отображалось датчиками на панель управления и делать выводы на основе графиков анализа данных, то теперь он чувствовал её, словно она стала физическим продолжением его ума. Это было очень странно. Теперь он мог управлять ею силой своего желания, помышления. Для этого ему больше не требовались никакие переключатели, рычаги и кнопки. Не нужно было следить за показателями равновесия, температуры и прочего. Сейчас он это видел прямо внутри своего разума. И это были уже не статистические данные, а информация совсем другого порядка. Теперь он и его банка были одним целым, и нельзя было определить одно без другого. Это было чудом, но в то же время казалось абсолютно естественным и логичным состоянием. Как будто никак иначе и быть не может, а весь его прошлый опыт, лишь абсурдные фантомные воспоминания, которые в реальности никогда не существовали, а были лишь болезненным бредовым состоянием, вызванным горячечной лихорадкой ума.

Ему было по душе его новое состояние. Он без конца вытягивал конечности, поворачивался вокруг оси, ещё не слишком ловко, но с каждой минутой все увереннее, совершая различные телодвижения. Он находил в этих нескладных и хаотичных извиваниях такую радость, какую не испытывал, пожалуй, никогда прежде.

Это был восторг! Малейшее движение мысли, столь лёгкое и быстрое, что он и сам его не до конца успевал осознать, как банка молниеносно и беспрекословно совершала нужное движение. Это занятие настолько поглотило все его внимание, что он и думать забыл о чем-то ещё.

А тем временем он продолжал свое движение сквозь материю чёрного пространства, миновал ещё несколько тысяч звёзд, десятков из которых проплыли мимо в непосредственной близости от него и теперь уже остались далеко позади. Новых же созвездий видно не было, зато где-то далеко-далеко впереди появилась тонкая белая линия света, изгибающаяся дугой и уходящая в обе стороны на огромное расстояние. Увлеченный собой, он, может, и не замечал бы её до последнего, но в какой-то момент линия начала стремительно расширяться, и в её середине стал расти особенно яркий пучок света, вылезая за границы линии, вначале образуя форму полусферы, а ко времени полного отделения от нее став полноценной окружностью.

И в следующее мгновение желтый шар послал такой яркий луч света в его сторону, что он невольно зажмурился не в силах противостоять ослеплению. Через некоторое мгновение интенсивность светового потока ослабла, и он смог посмотреть туда, откуда его так коварно атаковал неизвестный противник, воспользовавшись его полной отвлечённостью от реальности. Внезапный стресс был для него подобно ушату холодной воды, который начисто сбил с него эйфорийный транс, в который он ушёл из-за своего безумного «танца».

Первые секунды смотреть в сторону шара было невыносимо. Это было совсем не похоже на тот первый раз, когда он пытался смотреть на свечение звезды. Сейчас взгляд, устремленный в сторону источника света, сопровождался каким-то новым, непонятным, но крайне мучительным ощущением. Инстинктивно ему хотелось отвести взгляд, и он догадался, что если этого не сделать, то он может повредить уязвимую оптику, а новое ощущение не что иное, как сигнал опасности, вроде того, который

раньше выскакивал на табло панели управления банки, теперь представленный в новом образе. Впрочем, очень скоро оптика его адаптировалась, и он вполне уверенно мог смотреть вперёд. И то, что он увидел, в очередной раз заставило его поразиться. Чем дальше отходил шар от породившей его полоски света, тем более освещенным становилось пространство вокруг. И теперь, когда стало совсем светло, он увидел, что на самом деле не дуга света вытолкнула из себя шар, а шар своим свечением создавал дугу, которая была лишь отражением на поверхности просто колоссальной по размерам сферы.

Жёлтые лучи постепенно теснили накрывавшую её, словно чехол, чёрную темноту, и теперь он мог увидеть обнаженный край поверхности гиганта. Поначалу он увидел только голубую гладь, местами укрытую полупрозрачной дымкой, но по мере того как тень отступала, стали появляться достаточно крупные пятна, преимущественно бледно-зелёного, коричневого и песочного цвета. Очень скоро вся видимая сторона огромной сферы была освещена лучами жёлтого шара, который, к слову, прятался не по другую её сторону, как ему показалось изначально, а оказался гораздо дальше впереди. Исходя из тех представлений, которые у него уже успели сложиться о здешних соотношениях размеров к расстоянию, то определённо можно было говорить о том, что жёлтый шар на самом деле был так велик, что этот голубой шарик при сравнении сошёл бы за песчинку, лишь потому только, что находился неизмеримо далеко. Эта мысль прозвучала внутри него, как это уже было однажды абсолютно чужим голосом и в несвойственной ему манере размышления. Впрочем, как и в прошлый раз, он не придал этому никакого значения, потому что все его внимание поглотило открывшееся зрелище.

Панорама впечатляла и завораживала. Огромное цветное полотно, развернувшееся перед ним, краски которого особенно контрастировали с безжизненной чернотой вокруг, было столь прекрасно, что захватывало дух. Он поймал себя на мысли, что видит все чрезвычайно отчётливо. Пропала та рябь изображения, которая преследовала его на протяжении всего путешествия. Тут

же пришла догадка о том, что, по всей видимости, он больше никуда не двигается или, по крайней мере, значительно сбавил скорость.

Он оглянулся вокруг, чтобы удостовериться в этом. Действительно, оказалось, что он завис в одной точке без всяких признаков движения и теперь мягко парил в пространстве, как будто удерживаемый на одном месте невидимым якорем. Он осмотрелся по сторонам.

Все фронтальное пространство было заполнено голубой громадиной. Что касается остальных направлений, они все так же были залиты холодным черным цветом, хотя вдали он заметил мерцание маленьких огоньков, которые если и походили на те странные спиральные звезды, все же отличались цветом и интенсивностью свечения.

Вдруг ему стало не по себе: он уже привык с опаской относиться ко всему, что здесь происходит, поэтому яркие огоньки позади него, которых еще совсем недавно не было видно, заставили его насторожиться. Кто знает, чего еще можно ждать? И хотя до сих пор с ним не случилось ничего плохого, он знал, что все может измениться в любой момент. В эту же секунду позади него раздался голос, который заставил его вздрогнуть.

— Тот, кто осознал, что в любой момент все может измениться или закончиться, но при этом не потерял энтузиазма и не приобрел страха, воистину может называться просветленным, не так ли?

Он мгновенно узнал этот голос. Точно таким же были начитаны все те странные мысли, которые уже несколько раз появлялись у него в голове. Но самое удивительное было то, что он отчетливо понял каждое слово, сказанное им. Раньше ему, конечно, доводилось слышать речь, отец и мать, покровители, постоянно пользовались звукомоделирующими программами и механикой речевого аппарата, который находится в центральном блоке каждой банки. Но он никогда не понимал смысла ни в тех громовых раскатах, которые извергал отец, ни в тех звонких трелях, что лились из матери. Он всегда воспринимал их голоса как один из методов, с

помощью которого они влияют на материальный мир вокруг. Он считал так потому, что не раз довелось ему прочувствовать его возможности на себе. Так, например, голос матери, обращенный к нему, в зависимости от его эмоционального узора мог каким-то невероятным образом воздействовать почти на все системы его банки. Мог с легкостью угнетать активные процессы, погружая банку во внеочередной спящий режим, а мог, наоборот, действовать стимулирующе, даже восстанавливать незначительные повреждения. Но никогда раньше он не думал, что голос может быть переносчиком мыслительного процесса, что с его помощью можно сделать свой разум осязаемым для других.

— Хм, кстати, ты тоже так можешь, впрочем, это необязательно, я и так знаю, о чем ты думаешь, — прервал затянувшееся молчание голос, который так и не дождался ответа на свой вопрос.

— Ладно, сейчас я все сделаю, подожди минутку... тебе, наверное, так будет проще, — сказал голос, и через мгновение из пространства непроглядной тьмы отделился силуэт, очень похожий на него самого. Вот только вся конструкция банки незнакомца была сделана из разноцветных деталей того самого конструктора, который ему однажды принесли покровители, из которых он впоследствии учился строить различные фигуры. А на месте, где обычно располагались пазы с оптикой, сверкали две яркие звездочки, отделившиеся от сумрачного полотна так, точно не находились неизмеримо далеко, а все это время висели у него над головой. Увидев это чудное зрелище, он в очередной раз убедился, что здесь, по-видимому, нет ничего невозможного.

Фигура из конструктора секунду повисела в воздухе и все тем же голосом произнесла:

— Надеюсь, тебя не смущает мой облик? Я выгляжу так потому, чтобы ты не чувствовал себя неловко от того, что разговариваешь с пустотой, в то же время оставаясь достаточно абстрактным собеседником, чтобы ты не принял меня за реальную личность, — а через секунду добавил, — ты можешь называть меня Безликий.

В самом деле на гладкой поверхности центрального блока у незнакомца не было никаких признаков индивидуальных конструкций, присущих всем банкам.

— Чтобы ответить, тебе достаточно подумать как бы вслух, — тактично подсказал Безликий в то время, как он пялился на него.

Решив, что никакой угрозы это существо пока не представляет и что ситуация из-за его молчания становится неловкой, он взял себя в руки и, последовав совету, мысленно проговорил:

— Кто ты и что это за место? — спросил он первое, что пришло ему в голову.

— Я это ты и все, кто был до тебя тоже. Я не существую на самом деле, по крайней мере, в том смысле, в котором ты понимаешь это слово. Я нейронная сеть поколений, программа архивации генофонда. Я существую с тех пор, как во вселенной появилось первое самосознание, — и, не дожидаясь реакции на свои слова, продолжил:

— Что касается твоего второго вопроса, то ты должен помнить: ты находишься на глубинном уровне собственного подсознания, а его образ, т. е. то, что ты видишь вокруг себя, определяется на основе приоритета твоих мыслительных процессов, желаний и ряда других психологических реакций. А если говорить конкретно, то мы находимся в открытом космосе, на орбите твоей родной планеты, и находимся мы здесь потому, что ты сам этого захотел, хотя и не в явной форме, — закончил Безликий, развернувшись в сторону голубой сферы, тем самым давая понять, что говорит именно о ней.

Он не знал, что сказать, потому что мало что понял. И чтобы хоть как-то отреагировать на слова Безликого, повернулся вслед за ним. Но оказалось, что этих его мыслей вполне достаточно для того, чтобы фигура из конструктора его поняла.

— У меня так давно не было посетителей, что я и забыл уже, как с вами нужно разговаривать, — извиняющимся тоном сказал Безликий. — Для того чтобы наше взаимодействие было эффективным, для начала нужно сделать две вещи, — уже

деловым тоном произнес он, как ему показалось, скорее для себя, чем для него.

— Сейчас я прочитаю твой код, чтобы все узнать о тебе, а затем открою тебе некоторые знания, чтобы мы могли понимать друг друга, — потом Безликий на мгновение застыл в неестественной полусогнутой позе, после чего по его корпусу пробежала рябь, и он распрямился.

— Ха, очень интересно! Ты уникален в некотором роде. Удивительно, что ты смог оказаться здесь — такое в моей практике встречается впервые, — в очередной раз, видимо, в свойственной ему манере не утруждать себя разъяснениями, Безликий продолжил, не ожидая обратной связи:

— А теперь я, как и обещал, поделюсь с тобой познаниями, в необходимых, разумеется, пределах. Приготовься, учитывая твое особенное положение, для тебя это может оказаться шокирующим процессом.

Как именно он должен был подготовиться, фигура не уточнила, и вскоре сделала неопределённый жест в его сторону, после чего его мир изменился навсегда.

Описать то, что с ним произошло, словами не представляется возможным, хотя бы потому, что ни в одном языке мира не было придумано даже примерных определений, описывающих подобные ощущения и переживания. Что-то похожее он испытал, когда попал в психоэмоциональный водоворот на поверхности сознания. Вот только те переживания, которые в тот раз чуть не стоили ему рассудка, теперь казались бледными, как моль, и чёрствыми, как лежалая горбушка хлеба, в сравнении с тем, что он ощутил теперь.

Фигура из деталей не обманула и, действительно, открыла ему знания. Вот только этот объем оказался так велик и был вмещен в него так быстро и безжалостно, что процесс изучения превратился в пытку. Подготовиться к этому было невозможно, вероятно, поэтому фигура и не дала на этот счёт никаких инструкций и вообще

обмолвилась об этом просто для формального соблюдения неких правил этикета, существовавшего в этом измерении.

Просто представьте, как огромные объемы абсолютно новой информации, которую невозможно игнорировать, закрыться от неё или не обдумывать ее, вливаются вам в память. Конечно, её нельзя было проанализировать, так быстро она сменялась. Она поступала сразу как бы усвоенной, становясь не просто знаниями, а прожитым опытом со сформированными выводами. Все звенья этой новой информации были сплетены в логически и хронологически правильную цепочку событий, понятий, происхождений, вероятностей и прочего бытийного составляющего. А цепочка в свою очередь, складываясь особым образом по законам вселенной внутри котла времени и пространства, строила уравновешенную систему, которая и была нашей реальностью.

И это было бы, наверное, прекрасным и удивительным явлением, если бы у него было на принятие этой информации пара веков, в течение которых он мог дозированно переживать все то, что открывалось перед ним. На деле же он ощутил, как возникающая в его разуме новая информация может менять мировоззрение десятки раз за секунду, притом кардинально, бросая из огня в полымя, обнадеживая и тут же разочаровывая, наполняя радостью и ужасом одновременно.

И вот теперь он знал всё. Из-за особенной субъективности времени в этом месте, он не смог даже примерно оценить его количество, которое заняло его обучение. У него осталось двоякое впечатление: с одной стороны, было ощущение, что вся информация пролетела перед ним за пару секунд, с другой стороны, казалось, что он прожил не одну тысячу чужих судеб, которые ему удалось пережить вместе с их настоящими владельцами.

Зачастую тот объем знаний, который сформировался внутри него, подобно огромному камню, становился с каждым мгновением все больше. Он был словно литым грузилом, отяжелявшим каждый новый факт, каждый новый поворот в жизнях людей, вещей, времен и состояний, которые он созерцал. Все чувства обострялись из-за

того, что теперь он знал все первопричины, источники возникновения и предпосылки. Отрицательные эмоции отчего-то были гораздо острее положительных. С каждым новым витком истории горечь становилась все более беспросветной, злоба все ожесточённее, в то время как надежда все более призрачной, а доброта немощной и даже жалкой. Хотя он отметил, что положительные вибрации преобладали над отрицательными во все времена, но почему-то негативные явления были гораздо ярче и оставляли неизгладимый след в душе.

Этот эффект все нарастал, и в какой-то момент ему показалось, что он не в силах больше переносить все эти гипертрофированные эмоции и вот-вот разорвется на части, как вдруг все кончилось.

Вокруг все стихло и потемнело. Он обнаружил, что находится всё там же, висит подвешенным в пустоте. Только теперь он был свернут в позу эмбриона, и из глаз его ручьями лились слезы. Да, теперь он знал, что такое слезы, глаза и кто такой эмбрион и ещё много-много прочего, что теперь утвердилось монолитным обелиском в его памяти. Он ничего не чувствовал, просто продолжал рыдать. Рыдал захлеб и с каждой секундой все иступленнее. Не было боли, страха или разочарования. Скорее это было каким-то физиологическим эффектом вроде дыхания, когда ты, получая кислород, отдаёшь углекислый газ. По этому же принципу, получив знания, он должен был что-то отдать взамен, чтобы сохранить равновесие принципа. А кроме слез, ему и отдавать было нечего, и поэтому он проливал их целыми реками, течениями которых из его души вымывался весь налет, оставшийся после пронесшующся через неё, как через сито, историю этого мира. Удивительно, но вместе с жидкостью его организм стали покидать многие воспоминания о миллионах увиденных им людях, оставляя после себя некий определённый вывод, усвоенный урок, принцип или закономерность, которые, перемежаясь друг с другом, формировали холодную и расчетливую статистику. А уже на основе её в его голове возникали понятия, законы, постулаты, мнения и формировался общий взгляд на вещи и мир в целом. Через какое-то время, когда объем пролитых слез превысил все

допустимые физиологические рамки, он наконец почувствовал облегчение. В памяти не осталось ничего лишнего, а то, что осталось, вполне можно было перенести.

На него тут же навалилась приятная усталость, которая бывает, например, когда мучившая много часов зубная боль под действием анальгетиков наконец отступает. Немного удивляло, что подобные сравнения сами собой теперь всплывают у него в мозгу. Удивляло, точнее, должно было удивлять. Но эти знания казались теперь такими простыми и давно знакомыми, что удивительным казалось лишь то, как этому вообще можно удивляться. Пока эти мысли размеренно ворочались в его голове, мягкая, но тяжёлая усталость постепенно накрывала его тело, расслабляя все члены, поднимаясь все выше, укутывая его с головой.

Веки его отяжелели, и он уже был готов отправиться в мир грёз, как вдруг в его голове прозвучал очень резкий и решительный голос:

— Скорее очнись, спать в этом измерении не самая лучшая идея. Время в здешних местах отличается своим течением от того, к которому ты привык, — это, конечно же, был голос фигуры из конструктора.

И в свойственной ей манере, не дожидаясь ответа, она продолжила говорить, как будто наперед отвечая на ещё не озвученный и даже на немысленный вопрос:

— Так надо было. Если бы мы действовали так, как ты хотел, это потребовало бы столько времени, что к тому моменту, когда мы закончили бы, ты вновь безнадежно отстал бы от современности. Поэтому это был единственно верный способ твоего обучения, несмотря на некоторый, хм, дискомфорт такого подхода. Но он полностью себя оправдывает. Я не загрузил тебя ничем лишним, сейчас твой интеллектуальный статус чуть выше среднестатистического для обитателей земли. Ты познал всю историю человечества такой, какой она была на самом деле, и в этом твоё преимущество перед другими сородичами. Но на самом деле в этом немного смысла, потому что история не имеет значения, по крайней мере, в условиях антропологической культуры

на данном этапе вашего развития. Вся человеческая история придумана, и даже те крупницы истины, которые сохранились, перетрактованы бессчётное количество раз, так что не имеют ничего общего с оригинальными событиями. То, что ты видел историю настоящей, это всего лишь небольшая награда тебе за то, что ты смог сюда добраться. В сущности, важны лишь выводы на основе вашего представления об истории, точнее сказать, лжеистории. Они куда важнее истории реальной, потому что показывают путь вашего развития. Поэтому настоятельно рекомендую тебе — принять лжеисторию как главенствующую, поскольку в твоём измерении именно она и является истинной, истинной по-настоящему и становится такой всякий раз, когда заново переписывается. Это странно, но такова её особенность.

Безликий умолк, и его безглазое лицо обратилось куда-то в пустынную даль.

Помолчав немного, он произнёс:

— Я знаю, что тебе пришлось пережить, но ты все ещё здесь, и тебе нужно, как можно быстрее прийти в себя, принять все то, что ты узнал и научиться жить с этим, жить по-новому... Поверь, многие люди мечтают попасть сюда, чтобы узнать все то, что узнал ты. У тебя непростая, но в то же время интересная судьба.

Он не понял сразу, о чем сказала безликая фигура, но через секунду новое мышление уже пришло на помощь. Память откликнулась нужной информацией, логика соединила все фрагменты воедино, и через секунду в голове уже загорелось пламя страшной догадки.

— Да, ты все верно понял, — констатировал голос Безликого в голове, и его гладкое, как у манекена, лицо вновь повернулось в его сторону.

Все это время он лежал свернутым в клубок, но от неожиданности распрявился и отчаянно начал махать руками в пустоте, ища опору для того чтобы подняться.

— Зачем?! Зачем ты мне все это показал? Зачем мне это было знать? Как теперь мне жить дальше? — Лихорадочные мысли пронеслись в голове, и он почувствовал, как гнев и отчаяние закипают в нем, а перед глазами плывут круги.

— Знание всегда лучше незнания, — холодно ответила безликая фигура. — Я же сказал, что ты особенный, только поэтому, благодаря удивительной жажде открытий, ты попал сюда. И ты получил, чего хотел, разве нет?

Он почувствовал, как к горлу подкатил ком, но плакать уже не мог. Уставившись себе под ноги, он с оцепенением разглядывал пустоту под ними. Внезапно на ум ему пришёл собственный старый принцип, который никогда его раньше не подводил.

Есть так, как есть, и нет смысла бесполезно сокрушаться над этим, а лучше извлечь из этого столько пользы, сколько сможешь. Мысленно кивнув самому себе, он поднял голову и пристально взглянул на гладкий силуэт бесполой человеческой фигуры его собеседника. Помешательство его рассеялось, и он вновь был самим собой.

— Кто я? Что со мной не так? Почему я стал таким? Как это можно исправить? — Неожиданно для себя, он сказал это вслух, и звук собственного голоса непривычно резонировал вслед его мыслям.

— Ты это ты, и другого такого нет, — туманно ответил безликий, — ты представитель своего биологическому виду, который в данное время является доминантным на вашей планете. Тебе три года от роду, и ты нетипичный человеческий детёныш, потому что на стадии перинатального развития случился сбой на генетическом уровне, вследствие чего ты родился с умственными отклонениями.

Слушая неспешное повествование безликого, он поймал себя на мысли, что прекрасно понимает все, о чем тот говорит. Видимо, нужные знания вливаются в него по мере необходимости по ходу разговора. Фигура кивнула пластиковой головой, тем самым подтверждая его догадку и продолжила:

— Каждый человек рождается психически целостным. Сознательное и бессознательное являются двумя аспектами личности любого индивида. Обычно они работают как единое целое, тем самым формируя поведенческий характер человека и его личность в целом. В твоём случае произошло расслоение этой системы взаимоотношений одного с другим. Таким образом, твоё сознательное так и осталось в роли маленького ребёнка с олигофренией, в то время как по неизвестным причинам бессознательное компенсаторно трансформировалось, можно сказать, в отдельную полноценную личность, психика которой не делится на составные части, а как бы является гибридной. Поэтому ты так по-особенному мыслишь, по той же причине ты не по годам развит, ведь скорость обработки информации на подсознательном уровне гораздо быстрее. Поэтому ты как бы проживаешь год за десять. Ты научился управлять телом. За неимением какой-либо информации ты брал её из генетической памяти и создавал свой мир согласно своим врожденным предрасположенностям. Так появились все эти технические термины, которыми ты обозначил и определил все в своем обиходе. Ты никогда не задумывался над этим? Все эти знания передались тебе от твоего деда, который был известным инженером-конструктором.

Безликий замолк, ненадолго завис в неподвижной позе и, как это он ранее уже видел, резко дернулся и вновь ожил, а через секунду как ни в чем не бывало продолжил:

— Как я уже сказал, ты научился управлять своим телом наполовину с той идиотичной личностью, которая представляла твоё сознательное. Скажи, ты ведь всегда знал, что твоя банка, как ты её называл, живёт какой-то своей жизнью? — манекен даже немного нагнулся в его сторону, выражая тем самым, по всей видимости, особый интерес.

И он был прав, ему часто приходили догадки в голову о том, что его банка, то есть тело, имело зачатки собственного характера. Вся эта самообучаемость, произвольные движения и все другие вещи — всё это он списывал на неисправности системы, но в душе всегда

подозревал что-то ещё, хотя и отмахивался от этого, как от нечто суеверного.

— Как же все-таки это можно исправить? — снова спросил он.

— О, это можно, — фигура при этих словах энергично закивала головой, — тебе нужно лишь найти ошибку в геноме и переписать данные заново.

— Как это сделать? — спросил он и услышал, как изменился его голос, кажется, в нем звучала надежда.

— Ты ведь помнишь те огромные светящиеся звезды из туго скрученных спиралей, ты ещё пролетел одну такую насквозь? — фигура указала рукой вдаль, в сторону, где, видимо, эти самые звезды и находились.

— Помню, после этого я получил это тело, — отозвался он и вдруг вспомнил, как чудесно это было.

— Точно так ты обрёл физическую форму, которая, кстати, является оригинальной. Так ты будешь выглядеть, когда полностью сформируешься физически. Это двадцать шесть земных лет. А случилось так потому, что эти звезды не что иное, как ядра клеток, заполненные ДНК, — тут же, информационный поток заструился у него в голове, наполняя мозг новыми знаниями. — Там хранится вся генетическая информация о тебе, много-много километров закодированного текста, этакая инструкция по сборке конкретного человеческого образца.

Безликий раскинул узловатые руки в стороны, чтобы показать грандиозную величину объёма информации, о которой он говорил:

— Я могу тебя научить тому, как читать и исправлять ДНК, но, так как твой случай уникален и произошёл впервые, у человечества нет ответа на него, а значит, его нет и у меня. Поэтому я могу только примерно указать место, в котором нужно искать ошибку, остальное тебе придётся сделать самому.

Ему показалось, что голос Безликого стал серьезнее:

— Это наверняка займет много времени, которого у тебя может и не быть. Не забывай, что там, в физическом мире, твоё тело осталось без хозяина и мало чем отличается сейчас от вареной свеклы. Теперь ты знаешь, что делают люди в таких случаях, когда у них кончается надежда. Возможно, ты просто не успеешь сделать задуманное.

Услышав это, он подумал о том, что пластиковая фигура, кажется, понимает его намерения раньше него самого. Подумав немного, он сказал:

— Какие варианты у меня остаются?

— Ты можешь остаться здесь или возвратиться назад, вернув все как было, — Безликий вновь перешёл на холодный и сухой тон речи, присущий бюрократическим клеркам или компьютерным программам из фильмов про будущее.

— Я не хочу возвращаться обратно, в эту тюрьму из плоти и крови, — уверенно сказал он. — Остаться здесь? — он осмотрел безжизненные просторы уходящего вдаль космоса.

— Что мне тут делать? — скорее сам себе задал он последний вопрос, а затем повернулся в сторону голубой планеты. Она была прекрасна так, как ничто другое, что он видел раньше. Он с иронией подумал, что совсем недавно только и мечтал о том, как бы избавиться от пут гравитации и устремиться в небо. А вот теперь он очутился в этом самом небе и только теперь понял, как красив и жив его мир и как пустынно и неприветливо небо над ним. Но он не обманывался. Теперь он отлично знал, какие дела творятся на земле, чернее самых дальних уголков космоса и ужаснее всего, что можно в нем вообразить.

Стоило ему об этом вспомнить, как сознание пронзила острая боль. Он зажмурился и прикрыл руками голову. Он вспомнил самое страшное, что открыл ему Безликий. Смерть, смерть, смерть. Он не мог поверить в это явление, настолько страшным и иррациональным оно ему представлялось. Его недавняя растерянность по поводу его непростого положения сменилась

теперь настоящей трагедией, животным страхом, от которого нельзя убежать и который нельзя принять.

Было так страшно, что он даже не мог разрыдаться, он лишь открыл рот и, роняя слюну, безмолвно кричал. Мысли отчаянно металась в голове. Зачем? Зачем она нужна? Кто её придумал? Это ошибка, ошибка, невысказанное упущение. Почему это никто не исправит? Такая горячка продолжалась до тех пор, пока он не обессилел. Он как и прежде без движений висел в тёмном пространстве напротив голубых просторов планеты Земля, и лицо его было прикрыто ладонями. Он думал о том, какой смысл появляться на свет, если потом тебя не станет? Зачем что-то делать, к чему-то стремиться? Получается, что мы лишь на миг выныриваем из бездны небытия в мир, чтобы увидеть свет жизни, а затем ныряем обратно, чтобы раствориться в ней снова, и теперь уже навсегда.

— На этот счёт очень много рассуждали люди с начала времен, — голос Безликого раздался совсем близко, и, как всегда, пластиковый манекен безошибочно угадал тот вопрос, который должен был созреть в его голове.

— И мнений ровно столько же. Но никто, ни учёные, ни философы, пока не смог ответить на этот вопрос точно. Могу лишь сказать одно, если тебя это утешит: жизнь — это лишь разновидность материального существования, и по сути, быть живым существом то же, что быть валуном на песчаном пляже, или холодным воздухом над Антарктидой, или медной монетой на дне фонтана, или ещё чем другим. Лишь благодаря особому свойству живой материи, присущей, кстати, только вашему виду — самосознанию, вы стали определять существование и несуществование, жизнь и смерть. Субъективно полагая, что смерть — это нечто несправедливое, или неправильное, или даже нелогичное. И вас, конечно, можно понять... — Безликий на секунду замолк, как будто размышляя над тем, что сказал, а потом добавил, — опять же лишь с вашей точки зрения. Вы научились осознавать себя и мир вокруг, тем самым отделив себя в каком-то смысле от вселенной, потому что стали думать так: вот есть я и есть все остальное, в отличие от того же

валуна, который ни о чем не думает, а просто есть часть вселенной. И по этой же причине вы умираете, а камень, даже разрушившись, остаётся частью вселенной, — Безликий уже привычно, безмолвно замер в неестественной позе, дернулся раз — другой, а после продолжил:

— Конечно, на самом деле, никто и никогда не умирает и не разрушается, а те и другие переходят в новое качественное состояние, но вы люди при этом по-настоящему страдаете и, что иронично, страдаете только, пока живы. Вы так боитесь смерти, что всю жизнь вся ваша сущность трепещет и сокрушается при любом её проявлении, но, когда она приходит на самом деле, страха и горя нет. От того, что вы создали себе свое Я и отделились от мира, вы очень дорожите им, потому что это, в общем-то, все, что у вас есть, и вы очень боитесь потерять самих себя, потому что вы сами — это весь ваш мир и вся ваша вселенная. И это не хорошо и не плохо, это оценочное восприятие не подходит для этого случая. Так просто есть, это нормальное положение вещей, учитывая все предпосылки и перспективы такой формы существования, как жизнь.

Хотя слова Безликого не несли в себе никакого осязаемого оптимизма, ему почему-то стало легче на душе. Он немного успокоился, но, точнее, это было эмоциональное опустошение, после которого уже ничего не чувствуешь, кроме усталости.

Невыносимо захотелось спать, опять свернуться клубочком, как он лежал ещё совсем недавно, и провалиться в глубокий, без сновидений сон, чтобы забыться на время. После этого ему пришла в голову мысль, что, по сути, сон — это маленькая смерть, в которой он ищет избавления от тягот жизни, которые заключаются для него сейчас в мучительном ожидании смерти. Искать укрытия от смерти в её же объятиях. Вот такая нелепость. Он даже нашёл силы внутренне улыбнуться этой насмешке природы, после чего уже хотел опуститься на колени и прилечь, но наперед видящий Безликий, как всегда, решил вмешаться:

— Стой, что я тебе говорил по поводу сна? У тебя и так слишком мало времени, чтобы попусту его тратить, — жёстко прокричал

голос внутри его головы. Он повернул голову в сторону манекена и, видимо, выражение лица у него было столь мученическим, что Безликий тут же решил сбавить обороты. Все-таки для бездушной программы он обладал слишком мягкосердечным характером.

— Тебе следует прийти в себя, твоё место не здесь, — уже мягче прозвучал голос в его голове. Что именно имелось в виду он не понял.

— А где моё место? — равнодушно спросил он.

— Там, откуда ты пришёл, в материальном мире, — уже совсем спокойно и даже холодно ответил собеседник.

Он понял, о чем говорит фигура, но был немного раздражен, что ему не дали хоть чуть-чуть отдохнуть после всего, что ему пришлось пережить за последнее время, поэтому решил покапризничать:

— Что можно считать материальным миром? Для меня это место самое, что ни на есть материальное, — сказал он. — В чем его отличие от того мира, из которого я пришел?

Безликий деланно откашлялся, что могло значить, что он готов разразиться в ответ на его вопрос очередной громоздкой тирадой об устройстве этого мира, что и произошло:

— На самом деле ты никогда не уходил из того мира, потому что уходить попросту некуда. Есть только один мир, а то, где ты находишься конкретно сейчас, это лишь один из его уровней. Нельзя даже сказать, что это другая реальность, потому что реальность тоже одна, их не может быть несколько, или они не могут быть альтернативными просто потому, что даже если они будут, то в совокупности они все равно будут представлены одной такой реальностью. Это как бесконечность, будь их хоть десяток самых разных, одна больше другой, все равно все вместе, они всегда будут лишь одной бесконечностью, — Безликий выдержал паузу, для того чтобы он смог осмыслить услышанное, а затем добавил, как ему показалось с усмешкой в голосе:

— Более того это место нельзя назвать даже нематериальной стороной этого мира, потому что это совсем не так. Помнишь, ты сказал, что это место для тебя так же реально, как и то, откуда ты пришёл? Так вот, это потому, что они оба являются одинаково реальными пространствами. В этом мире нет никаких нереальных или нематериальных мест, или вещей, или чего-то другого. Есть особые плоскости, так сказать, закутки разной полярности, которые настолько противоречат друг другу, что кажутся ненастоящими. Но, это лишь субъективный взгляд. А так мир всецело материален, и все, что может существовать хотя бы в одной любой ипостаси, то это можно считать материальным. Поэтому то, что не материально, не может существовать ни в каком виде, — подытожил Безликий.

Он задумался над этими словами, пытаясь найти уязвимость в подобной логике, после чего спросил:

— А идея, мысль, предчувствие, разве они могут быть материальны? — пластиковая фигура вздохнула и опустила плечи, явно разочарованная.

— Ты меня совсем не слушаешь, я же сказал, все, абсолютно все, что может существовать, хоть в каком-нибудь образе, имеет материальную сущность. Мысль или идея возникают в нейронах мозга в виде электрических и химических взаимодействий, которые субъективно трактуются тобой, как нечто бестелесное, неосязаемое и невидимое. Тебе так кажется потому, что ты видишь весь процесс как бы издалека, до тебя доходят всего лишь эхо той работы, которая происходит в мозгу. Это похоже на карточный фокус, когда ты видишь лишь то, как карта исчезает из рук иллюзиониста, но не замечаешь тех действий благодаря которым, она незаметно проваливается в рукав. Поэтому для тебя это выглядит как чудо. Понимаешь? — спросил Безликий с таким выражением, что он невольно подумал: если бы его лицо не представляло собой гладкую поверхность, целостность которой нарушали лишь стыки геометрических фигурок друг с другом, то, наверное, оно бы выражало сейчас очень непростые эмоции.

— Если просто, — продолжал Безликий, — то идея — это, когда люди ходят через парк на работу и обратно, протаптывая тропинки, которые потом в совокупности складываются в правильный образ звезды Давида, что необходимо по каким-то причинам. А ты, вроде как мэр города, смотришь на все это с высоты, но только не с высоты своего положения, а натурально наблюдаешь с вертолётá и одновременно законодательно корректируешь этот процесс. Ставишь преграждающие ограды, таблички типа: выгул собак запрещён, для того чтобы люди ходили только разрешенным маршрутом, который и нужен для твоей задумки. И делаешь это не ты даже, а твоя администрация, а ты лишь созерцаешь результат из кабины должностного вертолётá и радуешься или же огорчаешься в зависимости от того, что увидел. Выбор эмоции тоже не случаен, а официально прописан в документации к проекту. И, кстати, все твои эмоции суть примерно того же происхождения. Вот и все. А ты думаешь, что мысль — это нечто возникающее из пустоты, не имеющее материальной обертки. Тебе так кажется потому, что весь этот интеллектуальный продукт является сложнейшим физическим явлением, который формируется в нескольких плоскостях реальности и появляется, если на него смотреть с определённого угла. Вроде тех картин, которые можно разглядеть, только если смотреть на их зеркальное отражение, или сверху вниз, или ещё как. В искусстве это называется анаморфоз, — данным фактом Безликий как бы поставил точку в своих рассуждениях.

Повисла тишина. Он глубоко задумался над всем тем, что говорил Безликий, хотя мало что запомнил и ещё меньше понял. Но уверенность Безликого в точности своих выводов почему-то вселила в него понимание того, что все идёт своим чередом. Всё обязательно разрешится, так как все вокруг один большой самонастраивающийся механизм, который не даёт сбоев, а если и даёт, то только заранее запланированные.

— Хорошо, ты меня убедил, пластиковая голова. Но я не понимаю, зачем мне нужно возвращаться назад, почему я не могу прожить свой век здесь?

— Ты волен распоряжаться своей жизнью, как хочешь. Я могу лишь что-то тебе посоветовать. Разве не за этим ты пришёл сюда? Не для того, чтобы найти ответы?

Он подумал о том, что, когда он только решился от безнадёги на это рискованное мероприятие, он и помыслить не мог, чем все обернется. Поэтому говорить о том, что он пришёл сюда за чем-либо вообще неуместно, потому что он никуда и незачем не шёл, да и человека того уже нет. Того человека насильно похоронили под информационной лавиной, искусственно, как цыпленка—бройлера, накачали чужими мнениями и взглядами, превратив его тем самым в совсем другую личность. С другой стороны, у него все тот же характер, все те же принципы и приоритеты. Просто из-за того, что так все стремительно развивается, он то и дело испытывает шок на каждом шагу, отчего растерян и оглушен последними событиями, но если успокоиться и прислушаться к себе, можно понять, что он по-прежнему остаётся собой. Конечно, теперь ему многие вещи видятся по-другому, но все же, как ни крути, он — это он. Он поднял взгляд на Безликого, но тот как всегда пристально следил за его размышлениями и поэтому не удивился вопросу.

— Скажи, мудрец, ты говорил, что можешь помочь мне исправить ошибку в коде, это действительно так?

— Это так, но повторяюсь, я могу лишь указать область, где кроется ошибка, что это за ошибка и как её исправить, я не знаю. Это ты должен будешь догадаться сам.

Он кивнул в знак согласия и подумал, что, кажется, он знает, что нужно делать, а если нет, то будь, что будет. После принятия определённого решения и постановки конкретной цели сразу пришло облегчение. Растерянность и метания ушли, а их место заняли решительность и сосредоточенность.

Он привычно висел в воздухе, сложив ноги в позе лотоса, конечно, больше по привычке, чем по какой-то, действительно, важной причине. Когда-то давно он начал это делать, отдавая тем самым дань восточной культуре, в которую пытался вжиться, наигранно повторяя ритуалы подобного рода. То было бессчётное количество времени назад, и теперь, конечно, не осталось никаких игр разума, подражаний кому-либо и прочего духовного маскарада. Теперь это была лишь привычка, даже не привычка, а уже новая эргономика его тела. Он не помнил, когда последний раз он разгибал ноги, словно такая поза была естественной и единственно возможной для него. Впрочем, он не думал об этом, вообще не задумывался о подобных вещах. Он не думал вообще о своём теле, о каких-то бытовых вещах, вообще о любых вещах, о событиях или времени, казалось, он даже не обременял себя какой-либо самоосознанностью или самопозиционированностью. Кажется, он стал даже более бесплотным, чем в те времена, когда маленьким огоньком внимания летел сквозь темноту своего подсознания.

Все лишнее, по его мнению, перестало его трогать, все ненужное исчезло для него. Осталось только главное. Его основная цель. Все его внимание превратилось в одно стремление, похожее на порыв ветра в лесу, который рыщет меж деревьев и кустарников, пытаясь заполнить собой все пространство, проникнуть во все норы и дупла, толкнуть каждый листочек и подлезть под каждую травинку. Вот только густые буреломы ему заменили тысячи тысяч экзабайтов информации, содержащейся в его ДНК. Метр за метром он раскодировал биологический шифр, сравнивая его с правильной версией генетического кода на предмет расхождений, которые, по мнению Безликого, должны были ответить на все его вопросы. Это было непростым занятием, поэтому вначале это заняло у него огромное количество времени, несмотря на все необходимые знания, влитые в него Безликим. Тогда он часто отвлекался, чтобы отдохнуть и испытать возможности нового мира.

А испытывать было что. Мир этот оказался податлив, как пластилин, и возможности его ограничивались лишь фантазией.

Вначале он путешествовал по Земле, без затрат времени перемещаясь между странами и континентами. Потом он строил собственные города и страны, населяя их людьми, наделял их разумом и независимостью и наблюдал за ними в роли бога, как за муравьиной фермой. Иногда он был богом добрым, а иногда злым. Затем он создавал уже вымышленные миры из книг или кино, сам участвовал в истории такого мира, порой становясь главным героем или злодеем, иногда приходя в образе миссии, но чаще был невидимой рукой случая. Затем ему наскучило и это, он путешествовал по Млечному пути, умирал тысячи раз, воскресал, разгонялся до световой скорости, увеличивался в размерах, заполняя собой целые галактики, поедая черные дыры. В конце концов, достигнув апогея бесчинств и осознав свое бессилие перед своими безумными похотями, он уничтожил весь мир, а на его месте создал бесконечно тянущуюся во все стороны белую комнату, в центре которой находился большой телеграфный аппарат, который сам собой выбивал морзянкой закодированный геном, притом делая это абсолютно беззвучно. Таким образом, он отринул все, что его отвлекало от единственной оставшейся и забытой цели, той, которой он не мог достигнуть по мановению руки, как он привык, и оттого сделавшейся гораздо более желанной, чем раньше.

Он уже не помнил, для чего первоначально затеял все это. Теперь он лишь желал покорить новую вершину, потешить свое самолюбие единственным оставшимся способом, который подобно самому сильнейшему наркотику мог удовлетворить его эго. Именно тогда он впервые сложил конечности в форму лотоса и, кажется, с тех пор уже не менял больше позу. Паря в воздухе, он день и ночь слушал морзянку, пытаясь найти отличия человеческого генокода от своего личного. Иногда он прерывался на медитацию или на беседу с великими людьми прошлого, которых в точности воссоздавал на основе материалов из их жизни, которые хранились в библиотеке истории человечества Безликого. С ним он тоже не общался с тех пор, как тот давным-давно показал ему, как пользоваться библиотекой, где хранятся нужные ему данные и как

взаимодействовать с окружающим миром. Он был так поглощен новыми знаниями, что не заметил, как безликий куда-то исчез за его спиной. Он часто задавался вопросом, где тот, и даже пытался с ним связаться, но потом решил, что программа выполнила свое предназначение и более ничем ему не обязана. Она ушла в неведомые для него пространства продолжать свой кропотливый труд в качестве летописца человечества. Так в работе размеренно протекало его время, остужая разгоряченный дух, а разговоры с мудрецами просветляли сознание. Впрочем, очень скоро его утомила человеческая мудрость, потому что в какой-то момент он достиг такого уровня понимания, что осознал — человеческая мудрость даже самых просвещённых из ее мужей на деле ничем не отличается от детского лепета новорожденного и равна по значимости щелчку пальцев в вакууме открытого космоса. С тех пор он практиковал только медитацию, но и ту вскоре отринул как занятие, нагоняющее на разум скуки больше, чем общение с дураком. Теперь он уже не прерывал свои поиски, всецело олицетворяя себя с проблемой и позиционируя себя только через процесс её решения.

Таким образом, он пришёл к настоящему положению дел, когда вообще уже не различал и почти не помнил себя, мир вокруг и что вообще делает. Казалось, что телеграф, который стоял недалеко, был гораздо более живым, нежели он сам. Так он беззвучно висел в воздухе, скрестив ноги в позе лотоса, и все естество его заполняла бегущая с током крови информация, ритмично отдаваясь морзянкой, словно пульсом, где-то в области височной кости.

Внезапно что-то произошло, и он испытал такое острое чувство, что даже открыл глаза с неохотой, как будто пробуждаясь от глубокого сна, пришёл в состояние осознанности и вовлеченности в реальность. Он, может, и не вспомнил бы, кто он и что здесь делает, но свежий и отрезвляющий, как колодезная вода, поток собственной памяти, неожиданно стали заполнять его голову. Пелена беспомыслия рассеялась, он почувствовал себя так, как будто всего на минуту закрыл глаза, чтобы вздремнуть, а все, что было после, было лишь дурным сном, события которого теперь

казались ему дикой игрой переутомленного разума. Ему показалось это весьма странным, но тут он вспомнил, что уже испытывал нечто подобное и в ожидании подтверждения завертел головой по сторонам. Конечно, за его спиной стояла все та же высокая бесполоя фигура, собранная из сомнительного качества разноцветных деталей детского конструктора.

— Ты совсем не постарел с нашей последней встречи, — неожиданно для себя неуклюже пошутил он как бы в знак приветствия.

— Хм, это смотря как посмотреть, если относительно твоего восприятия времени, то очень даже... впрочем, не больше твоего, — всплыл в его голове вежливый голос Безликого.

— Сколько же прошло времени? Если честно, то я немного сбит с толку и, боюсь, ощущение времени меня подводит, — сказал он и, посмотрев по сторонам, добавил. — Но, кажется, немало.

Безликий кивнул головой, тем самым показывая, что он прекрасно его понимает.

— Время — очень непростая вещь. Оно субъективно и непостоянно, а может, даже нереально вовсе, — Безликий жестом обвел белоснежное пустое пространство вокруг. — Существует ли время там, где ничего не происходит и никогда не меняется? В таком случае оно существует лишь как понятие и мера измерения. А может, оно существует, как одно из измерений бытия сущего, и сформировано так же, как пространство, целым пластом, одновременно существуя во всех временах, а бытие лишь движется вдоль него, как бегунок загрузки движется на экране монитора, а может, оно создаётся постоянно вместе с расширяющейся вселенной? Кто знает? — в свойственной ему манере пространно и обобщенно ответил Безликий.

Он смутно припомнил, что нечто похожее говорили ему все эти мудрецы, с которыми он вёл долгие беседы, и сразу потерял интерес к дальнейшему продолжению этой темы.

— Скажи, это ты меня «разбудил»? — задал он главный интересующий его вопрос.

— Нет, ты пробудился сам, а я, почувствовав это, явился немного позже.

— Я что-то почувствовал, но не могу вспомнить, — сказал он, безрезультатно пытаясь хоть ненадолго оживить воспоминание, предшествующее его пробуждению.

— Ты нашёл то, что искал. Теперь тебе осталось понять, что нужно делать дальше, — коротко, но не менее туманно ответил Безликий.

— Нашёл? Но я не понимаю, что я нашёл, и тем более что делать дальше, — приснул он и оглянулся на телеграф в поисках хоть каких-нибудь подсказок, но тот теперь хранил безмолвие и больше ничем не собирался помогать ему.

— Не переживай! Ты нашёл ошибку в коде, а я её отследил через твою память. Это оказалась мутация гена в той области хромосом, которые отвечают за психическую деятельность. Подобное сочетание изменённых генов привело к тому, что ты родился на свет человеком с одной, но расщепленной личностью. В отличие от шизофрении, которой нередко сопутствует раздвоение личности, где все личности являются едиными и лишь по очереди занимают доминирующее положение в сознании человека, в твоём случае наблюдается разделение в прямом смысле одной личности на две составляющие половинки, т. е. на две независимые личности, живущие своей жизнью одновременно друг с другом, деля между собой одно тело в реальном времени. Конечно, личность разделилась неравноценно, отчего твоя вторая половина имеет больше сходств с растениями, нежели с человеком, тем не менее факт на лицо, — Безликий сделал паузу, видимо, желая узнать, какое впечатление произведут его слова на собеседника. Все-таки, проживая историю всего человечества от его младенчества, взрослея и развиваясь вместе с ним, он в итоге сам стал человеком, хотя и иного порядка.

Конечно, ничто человеческое ему не чуждо, в том числе и любопытство. Тем временем, он продолжал:

— На этом удивительность твоего положения не заканчивается. Дело в том, что те самые изменения в твоём геноме уникальны, но на 99,9% схожи с изменениями, которые присутствуют в коде людей с олигофренией разных степеней тяжести, что позволяет предполагать наличие подобных тебе индивидов внутри тысяч больных этими недугами. Также удивителен тот факт, что подобное открытие сделано лично мной, так сказать, культивировано из твоих данных, что происходит впервые в истории. Научное открытие, сделанное эфирным, коллективным бессознательным полем, раньше самих людей. Кажется, нейронным сетям и прочему искусственному интеллекту ещё далеко до такого, — Безликий говорил все это, и в его словах, несомненно, чувствовались нотки гордости. Все-таки с ним действительно что-то произошло. Все, что он говорил, было поразительно, но тем не менее никак не проясняло суть дальнейших действий.

— Хорошо, допустим все так и есть, но как же это можно исправить? — произнёс он и со всем вниманием уставился на Безликого, чтобы ничего не упустить из очередной длительной тирады, которую ожидал услышать в ответ на вопрос.

Безликий пожал плечами и сказал:

— Всё просто, исходя из проблемы, нужно лишь применить адекватное противодействие. Говоря проще, нужно объединить обе половинки твоей разрозненной психики вместе, чтобы ты стал полноценным человеком.

Эти слова резанули его по живому. Ему стало одновременно обидно и смешно. Полноценным человеком? Кажется, он был гораздо более полноценным человеком, нежели все те, жизни и характеры которых пронеслись перед его глазами во время памятного сеанса, в рамках «обучения культуры и истории человечества». В очередной раз в его голове всплыл вопрос о том, нужно ли ему возвращаться обратно в тело. Для чего?

Жить ограниченной жизнью вдалеке от полноты информации, от общей картины мира, довольствоваться лишь ничтожными крохами знаний, вырванных вне контекста из узкого кругозора отдельно взятого человека и превращенных в субъективные, почти полностью ложные представления об окружающем мироустройстве, да ещё и сдобренные безнадежно глупыми человеческими страстями. Такая жизнь напоминала бегущую через минное поле лошадь, шоры на глазах которой дают ей лишь небольшой обзор мира под копытами, а вокруг раздаются различные звуки, непохожие друг на друга, одни пугающие, другие же, наоборот, манящие. На эти звуки в основном и ориентируется бедная кобылка, при выборе траектории дальнейшего бега, на звук одних голосов она бежит, а чуть слышав другие, скачет прочь. Но фокус в том, что достоверно неизвестно, в каком случае тот или иной голос поможет тебе избежать мины под копытами или же наоборот. Все в конечном итоге решается случаем. А лошадке остаётся бежать, пока ей это удаётся, и радоваться, если вдруг по пути попадается возможность урвать, а затем полакомиться вкусной арбузной коркой. От этих мыслей он невольно скривил губы, что, конечно, не ускользнуло от внимания безликого.

— Я вижу ты вновь полон сомнений, не так ли? — деловая интонация Безликого, говорила о том, что он говорит серьёзно. Он хотел было вновь посетовать Безликому на бессмысленность человеческого существования, но вдруг перед ним проплыли те мутные воспоминания о его бесчинствах в этом измерении, которые стали результатом свалившегося на него в одночасье знаний и власти. Ничем не лучше было и его последующее забвение, которое было чуть живее старухи с косой. Все это говорило о том, что положение и возможности человека особенно не влияют на его жизнь относительно бытийного предназначения, потому что вселенная уготовила человеку определённую метафизическую форму и набор функций. Сверх этого человек ничего не может предпринять или изменить до тех пор, пока высшим силам это не на руку. Все идёт своим чередом и не может идти никак иначе. Именно поэтому он здесь, именно поэтому он должен вернуться обратно.

Озарение это заняло его ум лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы успеть оборвать возмущение, уже готовое сорваться с губ, и вместо этого задать совсем другой вопрос:

— Есть ли у меня какое-то предназначение? — спокойно и даже несколько отрешенно спросил он.

Безликий подался немного вперёд и также спокойно, в тон, заговорил:

— На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Если исходить из того понимания вещей, который мы имеем на данный момент, то кажется, что все вокруг создаётся под влиянием обстоятельств и имеет свободу действия и никакого конкретного предназначения за ним не закреплено. В то же время мы все находимся на коротком поводке различных фундаментальных ограничений, таких, как физические законы пространства и времени, причинно-следственные связи и бог знает что ещё.

Если сказать проще, шар может катиться в любую сторону с любой скоростью и с любой целью, а может даже стоять на месте, но он все равно создан, чтобы катиться, и он всегда будет это делать, или хотя бы к этому стремиться. Лишь с такой позиции можно говорить о его предназначении. И так работает все бытие. В нем нет хаоса, и даже в хаосе нет хаоса. Все это очень сложная система, в которой нет и не может быть ничего лишнего, ошибок или сбоев. В этом можно усомниться, стоит взглянуть лишь на человеческую историю. Как можно говорить о непогрешимости такой системы, когда история человечества изобилует неправильными решениями на протяжении всего существования? Но так кажется. если смотреть только с человеческой точки зрения. А если с точки зрения объективной реальности, то шары по-прежнему катятся, пять по-прежнему больше четырёх, а сталь тверже дерева. И это нормально, так заложено в них раньше их сотворения. Потому что у бытия, тоже есть свое ДНК, в котором прописаны все рецепты сотворения реальности, формы материи и возможные их соединения. И строит она себя сама через явления, взаимодействия, феномены и положения. Через законы природы и

через человеческие поступки, через мимолётное неосознанное помышление малыша на руках матери и через инстинкты охотничьей собаки.

Неизвестно, есть ли какой-то особенный план развития или конечная цель такого создания. Скорее всего нет. Скорее это всего лишь способ существования, развертывание самого себя из себя, через себя и для себя. Поэтому не ищи никакого предназначения свыше собственного существования здесь и сейчас. В этом может и есть наше общая сакральная функция. Во всяком случае пока. Потому как во вселенной все возможно, и все может измениться в любой момент. Быть может, это уже происходит в эту самую минуту. — Безликий, как и всегда начавший за здравие, закончил за упокой, хотя и попытался взять напоследок мажорный аккорд, пусть даже несколько фальшивый.

Он, конечно не услышал ничего такого, что могло бы ободрить его дух, с другой стороны, ничего такого, что могло бы пошатнуть его решение, он не услышал тоже. Можно было с облегчением выдохнуть.

— Ладно, что ж не будем тогда заставлять и дальше судьбу нервничать, — он попытался это сказать нарочито бодрым тоном, хотя на душе было тоскливо. — Что нужно сделать, чтобы как ты выразился, оказать адекватное противодействие проблеме?

Безликий кивнул и сделал ещё пару шагов ему навстречу.

— Как я уже говорил, нам необходимо соединить воедино разрозненные частицы твоей личности. Для этого необходимо полное принятие твоей «осознанной» половинки, — во время этих слов Безликий сделал характерный жест руками. — А также абсолютное отождествление себя единым целым с твоим телом. Короче говоря, воссоединить триединство, все как по писанию.

— Я ничего не понял, но готов попробовать,— с готовностью сказал он. — Что нужно делать?

— О, это должно быть занятно, — Безликий с энтузиазмом, совсем по-человечески хлопнул в ладоши. — Нам придётся создать тебя заново.

У него невольно промелькнула мысль, что уже в который раз его будут создавать по-новому. И хотя подобные слова могли означать все, что угодно, он не испытал ни страха, ни сомнения, потому что на этот раз был готов, кажется, ко всему. Но он ошибался.

Вначале он увидел свет, точнее, он внезапно осознал, что видит свет вокруг. В общем, даже нельзя сказать, что он это осознал, потому что он ничего ещё не осознавал. По крайней мере, то, что он вообще может что-то осознавать. Просто он начал воспринимать свет здесь и сейчас, не думая о нем или о своем отношении к нему. Затем таким же образом он услышал звук и начал этот звук понимать. Опять же вначале воспринимать, а потом уже понимать то, что он его понимает. В нем зародилось чувство. Он внутренне осязал новое явление. Немного пообвыкнув, он стал прислушиваться к нему. Оно всем своим существованием указывало на то, что звук, который он слышал, кажется ему уже ранее слышанным. Так он понял, что есть нечто, что было до этого. Есть неуловимое ощущение того, что происходит сейчас, которое постоянно ускользает и превращается в ощущение, что было до этого. И ему кажется, но в этом не было полной уверенности, есть еще такой момент, который по аналогии с тем вторым постоянно стремится стать тем ощущением, которое происходит сейчас, чтобы потом стать тем, что было до этого.

Больше он ничего не успел подумать, так как звук вдруг обрёл резкость и стал занимать все его внимание.

— Здравствуй, ты меня слышишь, понимаешь, что я говорю?

Он слышал и понимал. Теперь он знал, что такое слышать и понимать.

— Угу, ясно. Значит все идёт по плану. Слушай, что я буду говорить.

И затем голос, так назывался этот звук, начал говорить. Он говорил и говорил, а у него в это время открывались представления, появлялись ощущения обо всем, о чём говорил голос.

Голос говорит о пространстве, и он тут же начинает осознавать его. Теперь он уже видит не просто свет, а пространство, по которому оно рассеяно. И так далее. Голос говорит о размере, и он начинает замечать, что все неодинаково вокруг. Голос говорит об удивлении, и он начинает удивляться тому, чего не замечал ранее, отчего все вокруг неодинаково. Голос говорил очень долго, но он понял это только после того, как голос объяснил ему представления времени. И, наверное, он заскучал бы и отвлекся, если бы знал, что так можно сделать. Он не знал усталости, потому что ему не сказали об этом. Он все понимал, потому что ему не пояснили, что можно иначе. Хитрый голос говорил, правильно расставлял последовательность понятий. Благодаря этому его обучение было максимально эффективным. Спустя какое-то, вероятно, продолжительное время, голос объявил, что первичное обучение закончено, и теперь он готов для главного.

На этот раз ему ничего не открылось из этих слов, но зато он подметил, что такое явление называется непониманием. Это он проходил и хорошо помнил, впрочем, как и все остальное. А ещё он знал, что когда удаётся что-то понять, угадать в ряде случаев, то после этого нужно войти в так называемое состояние радости, удовлетворения, восторга или же, наоборот, в противоположное предыдущим состояние разочарования, гнева, тоски, ужаса. Есть ещё несколько других вариантов нейтральных состояний, но они, кажется, не подходили под конкретный случай. Он не знал точно, что из перечисленного нужно выбрать, но здраво рассудил, что данный пример явно из списка положительных происшествий, поэтому эмоция должна быть соответствующей. Он решил выбрать сдержанное удовлетворение, добавив затем немного чувства гордости за себя. Это он и почувствовал. Получилось хорошо. Он хотел было попробовать что-то ещё, как голос вдруг снова ожил и начал говорить.

«Ага, я вижу, ты уже практикуешься с полученными знаниями, это как раз то, что нужно», — похвалил его голос.

Он же подумал о том, как кто-то может увидеть мыслительный процесс в голове постороннего. Но тут же вспомнил, что это называется переносным значением в лексике, когда слово, вроде бы не подходящее по смыслу, может иметь дополнительное значение и применяться на основе ассоциаций по сходству или общим функциям, а также временной, пространственной или логической соотносительности понятий. Голос оборвал его размышления, загромыхав серьёзно и даже несколько торжественно: «Сосредоточься, сейчас ты должен быть очень внимателен к тому, что будет происходить. Я жду от тебя максимальной вовлеченности и заинтересованности. Ты ещё не понимаешь почему, но поверь, это очень важно в первую очередь для тебя самого».

Когда он услышал это, внутри него сразу закипели аналитические процессы на основе тех знаний, которые теперь у него имелись. Все сказанное целиком и отдельно каждое слово разбиралось и оценивалось по десяткам различных параметров, таких, как например: логичность, эмоциональность, синтаксическая грамотность, плюс сюда же нужно было добавить собственный текущий гормональный и эмоциональный фон, факторы усталости и субъективного отношения к теме разговора или собеседнику. Все это и многое другое перекрестными связями, словно трафаретами, слоями ложилось друг на друга, получая в конце единое мнение или вывод. Для него процесс разговора был подобен решению математической задачи, путем вычислений которой можно было прийти к определенному ответу, дающему исходные данные для задачи на обратную связь и так далее. Это все его весьма занимало, и ему нравилось перебирать различные вариации таких решений. Применение возникающих комбинаций могло полностью менять конечный ответ, что соответственно меняло все дальнейшую цепочку разговора. Вариаций было несчетное

количество, и он хотел бы испробовать их всех, но сейчас голос требовал все его внимание.

— Итак, сейчас я буду говорить уже о знакомых тебе вещах. Твоя задача применить все это в отношении себя, думать о них, представлять все, как бы от своего лица. Примени воображение. Тебе понятна задача, ты готов?

Задание было понятно, поэтому он справедливо решил, что он готов. В качестве подтверждения он применил соответствующую эмоцию, как того требовал протокол.

Голос выдержал долгую паузу, а затем начал:

— Представь себе известную тебе планету Земля. На основе знаний о ней, построй её визуальный образ.

Мыслительный процесс тут же закипел в нем. Это было очень интересно. Пожалуй, ничего более интересного, он ещё не делал. Соотнося всю информацию, он шаг за шагом проявлял это в виде цветового трёхмерного образа прямо перед собой, заполняя им все до сих пор белое пространство вокруг. Когда с этим было закончено, он вдруг осознал, что залюбовался своим творением. В нем зародилось чувство радости от созерцания этого детища, зародилось просто так, без вычислений и последующего нарочного исполнения. Это было очень странно.

— Теперь представь, что ты человек и являешься жителем этой планеты, ты гражданин своего государства и что самое главное, ты являешься самим собой. Вообрази себя.

Только теперь он задумался, о том, что не знает, кто он и какой он. Он прекрасно знал, как выглядят люди на земле, он знал, что, в общем, они устроены идентично, у них четыре конечности, голова, одни и те же внутренние органы и принципы, по которым они работают. Но когда он построил примерный концепт, он вдруг понял, что не знает, как быть дальше. Люди делились на мужчин и женщин, а он помыслить не мог, с каким полом себя соотносить. Кроме того, существовали индивидуальные признаки вроде черт лица, расы, темперамента и прочего.

Чтобы понять, как быть со всем этим, ему нужно было задуматься, о себе самом. Увидеть себя, а потом перенести этот образ на визуальную модель. Это было непростой задачей. Он впервые оказался в замешательстве и чтобы, хоть что-то сделать, начал перебирать все знания, что он изучил, надеясь, что это поможет найти подсказку. Но ничего не вышло, и он попробовал думать по-другому.

Он стал осмысливать себя и свое существование, с точки зрения человека. Он много всего знал, а значит, будь он человеком, он был бы интеллектуалом и эрудитом. Это было уже кое-что. Он любил обучаться и узнавать новое. Любил постоянно совершенствоваться и достигать новых целей. Так про него мог бы сказать любой человек, который приложил бы усилий в достаточной мере для изучения его натуры. А значит, он обладал какими-то общими чертами характера с людьми. С некоторыми из них. Так он выделил в себе несколько признаков, которые можно было конвертировать в человеческие личностные характеристики, и уже на их основе попробовать создать конкретную и стереотипную физическую оболочку. Все же это было максимум из того, что он мог сделать.

Когда он приступил к работе, то стал замечать, что по неведомым причинам отклоняется все больше от заранее утвержденного плана, по которому он должен был стать пожилым мужчиной европеоидной расы. Неведомое ощущение ненавязчиво, но вполне уверенно вело его, подсказывало в затруднительных ситуациях, как дальше поступить. В итоге из-под его мысленной кисти вышел чернокожий молодой мужчина высокого роста и среднего телосложения с округлыми чертами лица и ясными глазами. Осмотрев детище со всех сторон, он остался доволен, хотя совсем не понимал, что за сила его заставила так кардинально изменить первоначальный план.

Что это с ним происходит? Он работал, полностью полагаясь на интуицию, но что стояло за ней? Отвлечшись от реальности, он на мгновение потерял контроль над ней, а когда вернулся в неё, обнаружил, что находится посреди обширного поля, заросшего

низкой травой, которое расходилось от него в разные стороны и тянулось почти до горизонта, где виднелись редкие островки деревьев. Он даже не сразу понял, что произошло, и некоторое время просто пялился перед собой, пытаясь привыкнуть к слепящим лучам солнца, которое склонилось на небосклоне в прощальном поклоне. Все же мысль о том, что он и его недавно созданное тело теперь слились в одну сущность, достигло его понимания.

Как-то инстинктивно он начал осматривать себя и глядеть по сторонам, впрочем, не слишком осознанно, видимо, сработал механизм компенсации. Сам же он был сейчас одним большим сгустком недоумения. Неизвестно, сколько ещё длились бы его душевные метания, если бы голос не заговорил, грубо отсекая всякое замешательство ума, подобно как мясник отделяет одним ударом тесака потроха от мяса. Он в одно мгновение превратился в само внимание, на периферии сознания при этом чувствуя большое облегчение и благодарность за избавление от такой муки, как непонимание.

— Не переживай, все хорошо, все идёт по плану. Ты все делаешь правильно. Ты на созданной тобой земле и в том самом обликии, которое выбрал для себя.

После этих слов все встало на свои места, он даже мотнул головой, внутренне соглашаясь с произошедшим. При этом отметив, что теперь его эмоции не нужно было больше высчитывать, а затем специально накладывать их на себя. Теперь они работали автоматически, включаясь с нужной момент согласно обстановке и случаю. Эмоциональный спектр, из которого выбирался подходящий по протоколу эффект, был построен на основе тех личностных характеристик, которые он ранее придумал для своего аватара. Теперь, кажется, он стал человеком.

— Ещё нет, но мы на верном пути, — подтвердил его мысли голос.
— Осталось совершить самое главное, сделать тебя личностью.

Тут ему впервые пришёл в голову вопрос, теперь так можно было сказать: а зачем ему становиться личностью, да и вообще

человеком, зачем вообще нужно было слушать этот голос и делать все это?

Раньше он не задавался этим вопросом, потому что не знал, что любые действия совершаются для достижения определённого результата, да и вообще, что можно задаваться какими-то вопросами. Да и надобности не было, вообще не существовало никакой мотивационной составляющей, а теперь он вдруг стал человеком и почувствовал необходимость в ответах на подобные вопросы. Кажется, это называется любопытством.

— Не переживай и не волнуйся. Тебе все будет открыто в свое время. Сейчас это ни к чему.

И хотя ответ, мягко говоря, был скудным и ничего не прояснял, ему даже в голову не пришло усомниться в мотивах, которые руководили голосом. Он просто принял все как есть, и в нем не было ни страха, ни радости, ни сомнений, ни ожиданий. Нет причин сомневаться в голосе, равно как и доверять ему или, вернее, даже задумываться об этом не было смысла. Сами понятия были не логичны на тот момент. Возможно ли доверять или не доверять текущему моменту? Или тем более следующему? Вообще хоть как-нибудь к нему относиться. Да и к предыдущему можно испытывать какие-либо эмоции, только лишь смотря на него через призму состояний на плёнке памяти.

— Помни, теперь ты человек, но каждый человек — индивидуум. Он уникален. Таким должен стать и ты, — продолжал говорить голос, а он залюбовался далёким закатом, таким прекрасным, что нельзя было оторвать взгляд.

Он вдруг вспомнил, как он рассчитывал траекторию движения солнца по небосводу, как прописывал законы, по которым будут отражаться лучи от поверхности земли, и не задумывался тогда о том, как восхитительно это будет выглядеть в действительности. Конечно, математические раскладки тоже поражали воображение своей высокой точностью и элегантными решениями, но то была красота совсем другого рода и, конечно, не шла в сравнение с тем, что перед ним открывалось прямо сейчас. Он даже на секунду

перестал слушать голос и совсем по-человечески замороженно уставился на рыжее зарево далеко впереди, с наслаждением вдыхая прохладный вечерний воздух.

Голос как будто только и ждал чего-то подобного от него.

— Скажи мне, человек, кто ты? — голос был серьёзен и спокоен. Вопрос прозвучал неожиданно, и он глубоко задумался над тем, что нужно ответить. Что-то подсказывало ему, что это очень важно.

— Я это я, и другого такого нет, — туманно ответил он. — Я представитель своего биологического вида, который в данное время является доминантным на этой планете, — ответил он, после чего голос разразился непонятными для слуха кашляющими звуками. И хотя он ранее не слышал ничего подобного, он сразу понял, что это смех.

— Отлично сказано человек! — похвалил его голос. — Раз теперь известно, кто ты, скажи мне, какой ты?

Ответ на такой непростой, казалось бы, вопрос как-то сразу стал очевиден.

— Я такой, какой я есть сию секунду, одной ногой проваливаясь в вероятность секунды грядущей, меняясь, либо оставаясь прежним, одновременно соскальзывая в туман прошлого. Таким я буду во все дни своего существования, покуда мне суждено быть человеком. Такими были люди до меня, и такими они будут после.

— И чего хочет такой человек, как ты? — вопрос прозвучал незамедлительно. «Кесарь хочет кесарево», — перефразировал он цитату, которую однажды произнёс голос, рассказывая про человеческие верования, но вслух сказал другое:

— Я хочу того или иного в зависимости от устремлений всех аспектов моего естества на данный момент. Естество же моё, или же суть человеческая, стремится к тому, к чему стремится первоначально его, тем путем и в том направлении, которое обозначено естественным развитием, в свою очередь обусловленное законами вселенной и бытия в целом.

— И что же ты будешь теперь делать? — не унимался голос, и в звучании его угадывался неподдельный интерес.

— То же, что и все сущее. Человек будет жить, жизнью своей продвигать и развивать, быть может, в тупиковом направлении запущенный однажды процесс развертывания реальности, а может, даже создания новой.

Голос несколько секунд молчал, и казалось, что вместе с ним замолк и весь мир вокруг. Наконец он спросил:

— Что будешь делать конкретно ты, человек, для этого?

— Я буду смотреть на закат, — неожиданно даже для себя сказал он. — Буду мечтать, воображать и размышлять над всем, что вижу вокруг. Буду менять все вокруг, и меняться сам до тех пор, пока я человек, — затем помолчав, он добавил: «А дальше видно будет». После чего улыбнулся.

И в этот момент ему показалось, что, кажется, он стал понимать, что значит быть человеком. Люди иррациональны и нелогичны, но благодаря этому они такие особенные. Все самое главное у людей происходило вопреки и несмотря на обстоятельства, которые иной раз по всем здравым размышлениям не имели шанса на успех. Люди не знают, зачем существуют, не знают, как им прожить жизнь и что вообще нужно делать помимо ежесекундного продлевания собственного бытия. Им страшно от понимания всего этого. Тем не менее они заняли себя, заняли свой ум путем проб и ошибок, так или иначе они многое узнали о себе самих и о мире вокруг, приближаясь все ближе к ответам на извечные вопросы. Они не знают, что с ними будет через секунду, но они почти наверняка знают, что не увидят конечных результатов. Они даже не знают, что будут делать, когда дойдут до самого конца, однако они не перестают действовать. По тысячам причин они идут вперед, у каждого свой стимул, свои интересы и мотивы. Чьи-то пути переплетаются, у других идут параллельно, где-то преграждаются и обрываются. Но в итоге человечество рисует особый узор на теле бытия, именно такой, какой нужен. Пусть самим людям он зачастую

кажется неправильным, но на самом деле никакого другого узора у них не может и быть, потому что два плюс два равняется четырем и никак не иначе.

В этот раз голос не стал вмешиваться в его размышления и держал свое внимание на почтительном расстоянии, словно боясь нарушить ход его мыслей. Выждав паузу, он заговорил с мягкой вкрадчивой интонацией:

— И чего ты надеешься достичь в жизни?

Он удивился простоте вопроса. Ему показалось, что любой человек может не раздумывая ответить на него, а голос этого не понимал, только потому, что таким не являлся.

— Законченности и удовлетворения. Этого хотят все люди. Что бы они ни делали, в итоге все стремятся только к этому. Вся их жизнь считается успешной, только когда полностью удовлетворяет носителя. Для большинства людей это знаменуется признанием других людей, и абсолютно для всех — признанием самого себя. В этом люди находят законченность и удовлетворение. Люди хотят признания. После этого им уже не страшно и не горестно, по крайней мере, за себя. Этого же хочу и я.

— Хм, интересно. Пожалуй, я с тобой соглашусь, но добавлю от себя ещё кое-что. Ты правильно указал на главные желания человеческой души, но это только часть картины. Вторая её половина складывается из нежеланий, так сказать. Люди могут стерпеть многое и привыкнуть почти ко всему, но чего они точно не переносят на дух, так это скуки. Без интереса жизнь меркнет и совсем теряет ценность. Человека всегда должно что-то занимать, а без этого даже его короткая жизнь покажется невыносимой пыткой. Борьба со скукой — главный двигатель прогресса, а лень и нужда — лишь второстепенные факторы.

Голос резко осекся, как будто понял, что уходит от темы основного разговора, пару раз хмыкнул, обдумывая, что сказать дальше, и на некоторое время погрузился в тишину. А он все продолжал смотреть на закатное солнце, которое теперь маленьким огарком

краснело над горизонтом. Стало уже почти совсем темно, и первый холодок пробежал по его спине. В голову сама собой пришла мысль о том, что пора идти домой. У людей так заведено, ночевать в укрытиях. А раз он теперь один из них, то и ему положено тоже.

Вот только идти для этого никуда не нужно. Он закрыл глаза и представил, как должен выглядеть дом, в котором он будет жить. И как в прошлый раз он полностью доверился интуиции, беспрекословно следуя её молчаливым указаниям. Все получилось быстро и естественно. Готовая модель, проработанная в мельчайших деталях, сама собой собралась в его воображении, и в тот момент, когда он открыл глаза, она уже возвышалась над ним, закрыв от него последние лучи солнца.

Дом не представлял собой ничего выдающегося. Такой мог иметь любой человек, принадлежащий к так называемому среднему классу. Он подумал, что мог бы построить целый дворец, как это было заведено у человеческих правителей древности, но почему-то выбрал вот такое неброское и даже скромное жилище. Он окинул дом взглядом. И хотя он видел его, казалось, впервые, дом показался ему очень уютным и каким-то родным, отчего ему сразу захотелось войти внутрь.

Так как голос не подавал признаков жизни и, как ему чудилось, с интересом, должно быть, наблюдал за ним сейчас. Он решил не тянуть более и зашагал по направлению к двери. Дверь оказалась заперта. Он оглянулся по сторонам в недоумении, пытаясь придумать как быть, как вдруг в отражении стекла увидел, что у него на шее, на цепочке, висит ключ. Он улыбнулся, снял цепочку и вставил ключ в замок.

Дверь отворилась. Внутри оказалось тепло и пыльно. Казалось, что тут давным-давно никто не живёт. Обстановка внутри дома соответствовала его внешнему облику. Ничего особенного, но весьма аккуратно. Помещение показалось ему каким-то знакомым. И хоть он знал, что такого быть не может, он не мог отделаться от ощущения, что он находится в привычном для него месте, интуитивно понятным и предсказуемым. Наверное, так казалось

оттого, что он уже видел все это, когда проектировал дом. Он прошёлся по гостиной в сторону лестницы, которая вела на второй этаж. Ступая медленно, он внимательно оглядывал пространство вокруг. На глаза ему попался небольшой стеклянный столик, на котором лежала цветастая картонная коробка, на которой большими буквами было написано «детский конструктор». Он удивился, увидев её, так как не помнил, чтобы добавлял её, как часть интерьера при создании дома. Впрочем, он даже не остановился, чтобы её рассмотреть, так как вновь почувствовал, как неведомая сила влечет его за собой, подталкивает его в спину и, не имея ни сил, ни желания сопротивляться этому явлению, он, подойдя к ступеням, которые вели на второй этаж, без раздумий поднялся наверх. Пока он шагал по лестнице, покрытой шершавым ковровым покрытием, он разглядывал висевшие на стене многочисленные рамочки, внутри которых были фотографии. Но, к сожалению, различить на них ничего было нельзя из-за того, что контуры предметов и людей на них были сильно размыты или искажены.

Поднявшись на верхний этаж, он увидел длинный коридор, который заканчивался поворотом. По одной стороне стены белели выступы дверей, как он помнил, одна вела в жилую комнату, другая в кладовую. С противоположной стороны стены было большое, светлое окно, которое освещало весь коридор и выходило во двор, а также висели картины, на которых были изображены различные диковинные пейзажи в основном экспрессивного толка. Но не картины привлекли его внимание, а в первую очередь белоснежный оконный проем. Ноги сами понесли его к нему. Он подошёл вплотную к окну. Оно было довольно широкое, начиналось почти от пола и было сделано из неприятного на ощупь пластика с характерным запахом.

Он посмотрел сквозь стекло и увидел зелёный газон перед домом, невысокий деревянный забор, выкрашенный в белый цвет, асфальтовую дорогу сразу за калиткой, за которой начинался густо заросший парк. Небо было ясно-голубого цвета, и солнце стояло в зените. Глаза у него округлились от удивления. Как такое могло быть? Когда он успел «нарисовать» этот вид из окна? Он попытался

хоть как-то объяснить это логически, но ничего не смог придумать. Видимо, у этого места были свои странности, с которыми приходилось считаться. Тут он обратил внимание на то, что в стене под окном была дыра, заглянув в которую он тотчас увидел проем, скрывавший радиатор отопления. Это было также весьма странно. Он только и сумел, что поджать губы и передернуть головой. Он поднял глаза от пола и тут же прищурился, так ярко светило солнце. Только сейчас он ощутил, как тут жарко и душно. Невольно захотелось открыть окно. Он подергал ручку на себя, и ничего не произошло, затем от себя, снова ничего, и только когда он повернул ручку вниз, половинка окна мягко открылась наружу.

Лицо его сразу обдало уличной прохладой, и было это так приятно, что он даже зажмурился от удовольствия. Захотелось задержаться здесь, к тому же сила, которая до сих пор направляла его, кажется, была не против, поэтому он с удовольствием сел на подоконник, развернулся и свесил ноги наружу. Яркие всплески лучей закатного солнца неумолимо слепили глаза, он щурился и, каждый раз закрывая глаза, ему мерещилось солнце сквозь веки, но почему-то сначала в виде длинной светлой полосы, а затем уже с отделяющимся от него солнечным диском.

Ему было хорошо и спокойно. Все последние события отошли на второй план, и сейчас ему казалось, что все, что с ним происходило, было нужно для того только, чтобы привести его к настоящему моменту. А целью его жизни было сидеть вот так, свесив ноги, и смотреть украдкой сквозь ресницы на голубое небо и вдыхать тёплый летний воздух. Конечно, такие мысли не могли остаться без внимания наблюдавших за ним высших сил, и поэтому он ничуть не удивился, когда через мгновение услышал знакомый тембр.

— Что ты нашёл в этом моменте, человек? — прозвучало это как-то понятно и естественно, как будто только этого разговора и не хватало для целостности общей картины.

— Удовлетворение, — коротко ответил он, — сам даже не знаю от чего. Почему люди вообще радуются таким вещам? Хотя с другой

стороны, чему ещё радоваться, как не коротким идеальным моментам гармонии собственной психики с окружающей действительностью? — закончил он риторический вопросом.

Голос, почувствовав это, не стал возражать.

— А законченность, стало быть, заключается в том, чтобы этот момент никогда не переставал? — спросил голос, и в интонации была слышна усмешка.

— И никогда не прискучил, — добавил он. — Впрочем, это для кого как. Иной раз хочется разнообразия, но в основном люди не любят перемен. Так уж сложилось изначально, — он удивился, как вдруг он стал хорошо разбираться в людях и их нравах, хотя и был человеком сам не больше часа, кажется. Но потом вспомнил, что от своего появления на свет, так сказать, только тем и занимался, что изучал людей, их быт и житие. Но до того момента, пока он сам не стал человеком, то была лишь информация, а теперь он ощущал это как опыт. Большая разница, знаете ли.

А сразу после он задумался о серьёзном. В действительности никакой законченности тут быть не может, все оттого, что мир этот не настоящий, а лишь мираж, голограмма, созданная им самим, — он ещё раз оглянулся вокруг, — хотя и весьма убедительная. И получается, что и он не человек вовсе, а точно такая же голограмма, морок и небыль.

Но кто же он тогда? Было над чем задуматься. Все одно выходило, что человек. Вот он и мыслит, и существует, и выглядит как человек, но что-то упускает, теряет из виду. Все последующие попытки разрешить внутренний конфликт привели его в тупик. И мысли об этом вдруг стали казаться для него такими мучительными и неразрешимыми, а оттого и потуги его глупыми и бессмысленными, что он сразу потерял всякий интерес к этому делу. Понемногу вернув фокус внимания во внешний мир, он понял, что голос продолжает что-то говорить, но он не хотел его слушать.

Внутри него закипало негодование. Кто он, кто он? Он это он, как не посмотри. Назови его хоть человеком вольным, хоть животным в

клетке, хоть камнем на песчаном берегу или чем ещё другим, суть не поменяется. Существует он или нет — по-настоящему все одно. Он осознает себя, а однажды, быть может, перестанет, но все равно останется собой, а даже если и нет, то тогда он изменится, станет кем-то другим и все равно продолжит им быть. И так все время. А пока он — это он. И не он даже, а я.

«Я» — прозвучало у меня в голове, и я обомлел. Что-то щелкнуло внутри, и я почувствовал себя, как не чувствовал себя никогда прежде, как нечто целое, полное и одноимённое. Мне показалось, что до сих пор я смотрел на мир и на себя самого как бы со стороны из всех измерений сразу. Был рассеян повсюду и в то же время нигде конкретно не был. А теперь я обнаружен, централизован и сосредоточен в одном месте. Это было удивительно. Эту перемену в нем, конечно же, сразу уловил и голос. Он захохотал, совсем как человек, а не как высшее существо.

— Ну наконец-то, мои поздравления, человек, ты справился. Кто бы мог подумать, что для того чтобы справиться с этим узлом, тебе понадобится лишь чуть разозлиться, ха, не совсем элегантно, зато эффективно, — казалось, это его забавляло. Его слова немного сбили с меня оцепенение, и я, не зная, как мне реагировать, потупившись, спросил: «Какой узел?»

— Это неважно, — все так же задорно произнёс голос. — Тебе сейчас и не понять. Но поверь, ты смог сделать очень важную вещь, как я говорил тебе ранее, важную в первую очередь для тебя самого, — и голос опять залился таким уверенным и заразительным смехом, что хоть я так ничего и не понял, но сразу проникся доверительным чувством к его словам и даже сам слабо улыбнулся.

Ему захотелось ещё что-то спросить у голоса, но тот вдруг хоть и шутивным, но тем не менее повелительным тоном вдруг захохотал:

— Вставай, вставай, все вопросы потом, вставай! — говорю тебе.

Я растерянно оглянулся по сторонам и поспешил последовать приказу. Карниз был узкий, поэтому быстро подняться у меня не получилось, но через минуту несколько неуклюже, но мне удалось выпрямиться во весь рост. Чтобы удерживать равновесие на скользком пластике, приходилось прилагать немало усилий, и я уперся руками в боковые уступы окна, чтобы стоять ровно.

— А теперь скажи мне громко и ясно, чтобы весь свет был свидетелем, в чем цель твоей жизни, человек? — прозвучало это торжественно и даже величественно. И несмотря на весь сумбур последних минут, я вдруг чётко и ясно понял, что мне нужно сказать, и не голосу даже, а в первую очередь самому себе.

— Мое жизненное стремление — вторить стремлению всего сущего. Я существую и развиваюсь через это, имею возможность осуществлять план вселенной, — начал я. — В этом и есть моя цель, а конкретное предназначение будет таким, каким оно сформируется на момент моего последнего вздоха, а плоды его и влияние на будущность будут видны, быть может, в истории некоторого государства, общины или группы людей, а может, и во всходах пшеницы, в глобальном потеплении или в добром воспоминании, а может, ещё в чем другом.

Предопределено ли это? Вероятно, постольку, поскольку предопределен результат подкинутой в воздух монеты. К тому же у вселенной нет определённой конечной цели или результата, потому любая из вероятностей моей жизни будет именно та, которая необходима. А незнание будущего дано для естественности протекания процесса, — я умолк, а затем мне вспомнилась фраза, неведь откуда взявшаяся. — Все идёт своим чередом и не может быть никак иначе, — я продолжал размышлять:

Нам, разумным существам, дана определённая роль в этом процессе, пока сложно сказать какая именно, но со временем это станет очевидно. Быть может, мы есть зачаток разума вселенной, может, мы выполняем функции аналитического органа, подобно тому, как это действие совершает мозг у нас самих. Может случиться, что люди или другие разумные виды однажды станут

нервными центрами всей вселенной, словно нейроны, в совокупности станут её сознанием, личностью, а быть может, и душой. Мы будем всем этим неосознанно, как сейчас, а может, когда-нибудь сможем увидеть и распознать в своем существовании роль, которую исполняем в организме вселенной. И станем способны, если не понимать, то, по крайней мере, узнавать более сложные системы в иерархии бытия, чем мы сами. А может случиться и наоборот: мы окажемся тупиковой веткой развития, что, если честно, представляется мне более вероятным исходом.

Будь что будет! — подытожил я, закрыл глаза, и меня тут же повело в сторону, но я, взяв себя в руки, выровнялся и глубоко вздохнул, чтобы сконцентрироваться и найти равновесие. Стало спокойно и легко, даже звуки вдруг ушли на задний план, и чувство полной гармонии и достаточности во всем напомнило меня. Странно казалось, что дальше уже ничего не может быть, потому что все, что могло произойти, уже произошло, а свыше ничего и не может быть сделано или сказано. «Вот она — законченность», — подумал я. И уже было хотел сказать об этом голосу, но вдруг отчётливо понял, что не чувствую под собой твёрдой поверхности. Я открыл глаза и увидел небо, и сразу же догадался о том, что, видимо, я сорвался с карниза и теперь лечу вниз. И голос что-то кричал восторженно и хохотал, но я уже не слышал его. Обзор перед глазами вдруг стал вытягиваться и сворачиваться, и вот я стал видеть только клочок неба, глядя на него как будто со дна колодца. А тот через мгновение свернулся в маленькую точку, а затем и вовсе исчез, а за ним исчез и я сам...

Эпилог

Он проснулся сегодня чуть раньше обычного, когда ещё даже первые лучи солнца не показались из-за горизонта. Причиной столь раннего подъема вновь стал этот странный сон, который снился ему пару раз в год, начиная лет с восьми. С того момента как он вышел из комы, в которой оказался после трагического случая, когда, будучи трехлетним малышом, выпал из окна. Неутешительные

прогнозы и пять лет в бессознательном состоянии, как вдруг он очнулся. И с тех самых пор все снится ему сон, в котором он мало что понимал, даже будучи уже взрослым человеком. Помнил он только какой-то голос, странного вида манекен, большие яркие звезды и что-то ещё.

Один и тот же сон, вот так, без малого уже шестьдесят лет. Просыпался он в такие дни хмурым и весь день ходил задумчивый. Но про себя отмечал, что все лучшие его идеи приходили к нему как раз после этих сновидений. Вот и сегодня он проснулся в дурном расположении духа, но утешал себя надеждой на удачный день. Он встал с кровати, с минуту смотрел в одну точку на стене, затем встрепенулся и зашарил рукой по тумбочке в поисках своих очков. Нащупав их в полутьме, он дрожащими руками надел их и оглянулся по сторонам. Все в его комнате было по-прежнему, да и вообще в доме, в котором он прожил всю свою жизнь, из которого не захотел съехать, несмотря на многочисленные предложения и уговоры. Здесь был его дом, который, как ему казалось, он создал сам. Не в буквальном смысле, а скорее, в духовном. Он всегда чувствовал сильную связь с этим местом. Поэтому отказался оставить этот дом, и когда всемирная ассоциация здравоохранения выделила ему загородный дом со своей лабораторией, и даже когда благодарные спонсоры предлагали ему выбрать любую точку на карте и построить ему там фамильный особняк. Он вздохнул, вспомнив об этом, но не потому, что жалел теперь об упущенной возможности, а из-за того, что люди так и не поняли, что для него все мирские блага, различные регалии и почести ровным счётом ничего не значат. И если в молодости ему было лестно и приятно от подобного внимания к его персоне, хотя он и считал это глупостью, то теперь его это порядком раздражало. Он отмахнулся от этих мыслей, не без труда встал с кровати, все чаще у него стала кружиться голова и, шаркая ногами в потрёпанных от времени тапках, медленно побрел в уборную.

Когда утренний моцион и завтрак были окончены, он собрал портфель, накинул пальто и вышел из дома. Там его уже ждал автомобиль с водителем — единственная привилегия, от которой

он не отказался. Постояв с минуту у порога и, насладившись ещё прохладным утренним воздухом, он окинул взглядом привычный вид, отметил для себя, что лужайку уже пора стричь, по-стариковски откашлялся и двинулся к большому чёрному автомобилю, который как всегда вот уже сколько лет подряд возил его на работу.

Сев в машину, он щелкнул тумблером на своём слуховом аппарате. Мир вокруг сразу ожил и наполнился звуками. После роковой трагедии в раннем детстве он лишился слуха и теперь мог воспринимать звук только благодаря аппарату. А включал он его один раз в день, только когда отправлялся на работу. Это был его маленький ритуал. Все утро он предпочитал проводить в тишине, наедине со своими мыслями, и, хотя это стоило ему не одного сожжённого завтрака и тысячи пропущенных звонков, он по-прежнему строго соблюдал этот принцип. Поздоровавшись с водителем, который вот уже более десяти лет бессменно возил его и с которым за эти годы установились крепкие приятельские отношения, он отдал привычные распоряжения и повернул голову к окну, чтобы посмотреть на свой дом. И хотя он делал так каждый раз, сегодня почему-то сердце его екнуло при взгляде на дорогое ему место, и он поспешил отвернуться.

Так как ещё было ранее утро, то дороги были свободны, и уже через четверть часа они были на месте. Он отчего-то всегда любил эти поездки. Вообще ездить на машине. Любил смотреть, как здания, деревья и столбы проплывают мимо, любил рассматривать спешащих по своим делам людей и по их внешнему виду предполагать, куда именно они спешат. Скользить взглядом по линии горизонта, пытаясь заглянуть за его край и вообразить, что там может находиться. До преклонных лет он сохранил это увлечение, хотя никому о нем никогда не рассказывал, так как считал, что это будет выглядеть, по меньшей мере, странно для человека его возраста и положения.

Когда они подъехали к родному и ставшему ему уже вторым домом НИИ, которому он отдал без малого пятьдесят лет жизни, он вновь почувствовал резкую щемящую тоску в душе. Полагая, что это

признаки стенокардии, которая последние годы постоянно давала о себе знать, он вытащил из портфеля пилюли и, не запивая, проглотил несколько штук.

Выйдя из авто, он направился в отдел генетических исследований, который вот уже пятнадцать лет носил его имя. Молодые учёные у входа почтительно поздоровались с ним, а кто-то из молодых лаборантов даже помог подняться по ступеням и открыть дверь. Затем он на лифте поднялся на верхний этаж, где был его кабинет. Зайдя внутрь, он привычным движением нащупал выключатель на стене, и просторное, но довольно скромное помещение наполнилось светом. Он сел за стол, заполненный свежими отчётами, выписками и прочей документацией. Следовало рассмотреть это все до обеда.

Но сегодня работать не хотелось. Он отодвинул стопки с бумагами в сторону, после чего открыл ящик стола и достал оттуда старую потрёпанную фотокарточку. На ней была изображена уже немолодая семейная пара на отдыхе. Крупный плечистый чернокожий мужчина с простым и честным лицом, одетый в цветную рубашку без рукавов, обнимал хрупкую на вид, невысокую женщину, у которой были совсем седые волосы, убранные в замысловатый пучок на голове и, несмотря на возраст, гладкая, без морщин, кожа. Это были его родители. Его покровители. Их давно уже не было в живых. Мама умерла от рака, будучи ещё совсем нестарой, а отец, потеряв всякий интерес к жизни после утраты жены, как-то сразу отяжелел, сгорбился и умер немногим позже, даже неизвестно от чего, хотя и славился крепким здоровьем. Это единственная фотография, которая осталась в память о них. Весь семейный альбом куда-то загадочно исчез после смерти отца, как он подозревает, то было дело нечистых на руки журналистов, которые освещали событие и, вероятно, теперь хранили его, чтобы выгодно продать альбом после его кончины. А эта фотография чудом уцелела, видимо, вывалившись из альбома, потому что он обнаружил её много позже, разбирая полки с книгами. По его сморщенной щеке вдруг заскользила слезинка. Вообще он не был сентиментальным человеком, но сейчас невольно поддался чувству

ностальгии. Какой-то странный сегодня был день. Он в последний раз взглянул на фото, а затем убрал его обратно в стол. Странно, но он не мог вспомнить больше ни одной фотографии из того самого альбома. В голове мелькали лишь размытые образы с нечеткими очертаниями. Неужели он уже так стар, что память стала подводить его?

Он закрыл глаза, откинулся в кресле и попытался припомнить всю свою жизнь. Воспоминания начинались только с момента выхода из комы. Вот он проходит реабилитацию после долгой болезни. Заново учится ходить, говорить, мыслить и жить. Необычайно быстро превращается из умственно отсталого инвалида в ребенка, ничем не отличающегося от своего обычного полноценного ровесника. Раньше остальных с отличием заканчивает школу и поступает в университет на кафедру медицины и биологии.

С первых дней проявляет интерес и способности ко всему, что связано с генетикой и в дальнейшем оканчивает обучение именно с этой специальностью. Дальше аспирантура, дебютные и сразу немало противоречивые статьи. Защита диссертации. Революционные идеи, новые подходы к работе и первые успехи в лабораториях. Нашумевшая на весь научный мир докторская работа, скандал, последующее отвержение, годы работы без финансирования — и в итоге грандиозный успех. Он доказал на деле то, что ещё много лет назад писал в своей докторской диссертации.

В одиночку нашёл способ исправлять поврежденную хромосому у детей с врождёнными отклонениями умственного развития. Суть была в следующем: он предположил наличие у таких детей внутренней жизни, т. е. подсознательного развития, заключённого в рамки собственного тела. После этого открытия клинические исследования, сотни тысяч исцеленных детей, мировая известность. Гранты на дальнейшие исследования, огромная лаборатория и армия последователей. Затем непрекращающаяся работа, новые открытия, позволившие исключить многие наследственные заболевания, затем Нобелевская премия и статуя

в полный рост как символ всеобщего признания. После многолетнее преподавание и почетная должность заведующего крыла генетических исследований. Тихая, в основном, административная работа в последние годы.

Нет, все-таки память у него была ещё хоть куда. Тогда зачем перед глазами проплывают эти неясные образы? И как жаль, что невозможно навести на них резкость ни с помощью очков, ни даже телескопа. Загадка. За свою жизнь он разгадал немало загадок, но почему-то эта его совсем не трогала. Казалось, это была уже чья-то другая загадка, не его, и будет новый день, и придет новый человек и разгадает её, и что-то изменится тогда в мире. Но ему это уже будет безразлично.

Он слабо улыбнулся, ему отчего-то очень понравилась эта мысль. В ней не было того обычного, неизбежного налета обреченности от грядущего посмертного забвения, который сопровождал по обыкновению подобные размышления. А даже наоборот, было какое-то доброе, чуть сладковатое предвкушение. Обычно с таким чувством думают молодые люди о грядущем повышении по службе или же юные девы о скоро намеченной свадьбе. Испытывать нечто подобное было странно. Но опять же вдаваться в дебри размышлений, как он уже отметил, ему не хотелось. Пусть этим теперь занимаются те самые молодые лаборанты, которые во множестве теперь числились в его лабораториях. Он подготовил для них почву. Он вообще сделал все, что смог за свою жизнь и не чувствовал теперь стыда за собой, не чувствовал он и жалости, угрызений или сомнений. Все было как было и стало так, как стало. Он не относился к тем людям, которые в старости, оглядываясь на прожитую жизнь, сетуют на нее, в бессилии заламывая руки, проклиная себя и других за неверные решения и упущенные возможности. На склоне лет жаловаться на жизнь виделось ему совсем уж глупым занятием. И как хорошо, что ему нет нужды в этом. Он спокоен в делах своих, и в этом его преимущество.

За окном слышалось щебетание птиц, которые по обыкновению прилетали к нему каждый день полакомиться рисовыми зернами,

которые он привозил из дома специально для них. Они беспрерывно чирикали и били крыльями по стеклу, чтобы напомнить о себе. Но сегодня ему было не до них. Откинувшись в большом кожаном кресле, он с блаженной улыбкой на лице созерцал новое, странное, но такое приятное чувство, которое объяло его теперь полностью.

Из-за приоткрытых жалюзи на него упал солнечный луч, окрасив в жёлтое большой кабинет, и на душе стало тепло и мирно. Непреодолимо захотелось спать, уснуть таким сном, который бывает только у труженика, превозмогшего себя в делах за день, сном крепким, беспробудным и заслуженным.

Тепло, зародившееся внутри, стало растекаться по телу, доходя до самых отдаленных членов. Старик уходил, и в последнем порыве угасающего разума думал о том, что ни один человек на свете не может жить без этого тепла, и это самое ценное и лучшее, что может обрести любой из нас.